

Ю. А. ДЗИЦЦОЙТЫ

**К ЭТИМОЛОГИИ ТОПОНИМА *K'wydar*
‘ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ’**

1. Семантика и употребление топонима *K'wydar*

В числе других источников по этнической истории Южной Осетии существенное значение имеет топонимия. Топонимия Южной Осетии уже стала предметом специального исследования с позиций этнической истории края. Однако исследователи обычно анализируют только ту часть топонимов, которая зафиксирована в средневековых и позднесредневековых письменных источниках. Что касается всей остальной топонимии края, то она считалась менее надежным источником и потому не привлекла еще внимания исследователей. Между тем, хорошо известно, что время фиксации топонима в письменном источнике никак не связано со временем его возникновения. Очень поздно зафиксированный топоним может оказаться намного древнее тех, которые встречаются в средневековых памятниках. В настоящем исследовании мы попытаемся показать, что сталкиваемся именно с таким случаем при анализе одного из наиболее важных топонимов Южной Осетии – топонима *K'wydar*.

Происхождение топонима *K'wydar* уже привлекло к себе внимание исследователей, однако ни одна из предложенных для него этимологий, на наш взгляд, не может быть признана удовлетворительной. Но прежде чем перейти к разбору существующих этимологий, а затем и к собственно этимологическому анализу, необходимо ответить на ряд лингвистических и экстралингвистических вопросов, связанных с употреблением топонима *K'wydar* в диалектах осетинского языка.

В Южной Осетии топоним *K'wydar* (или *K'wydargom // K'wydrykom* ‘Кударское ущелье’) закреплен за сравнительно небольшим ущельем на северо-западе Южной Осетии [ИАА, III, С. 240, 306; ЦХОВРЕБОВА, 1979, С. 82, 121]. В говорах же Северной Осетии известна только форма *K'wydar*, имеющая значение ‘Южная Осетия’. Весьма показательно, что в

работе одного из североосетинских историков начала прошлого века под названием *K'wydar* скрывается территория осетинских поселений Горийского и Душетского уездов бывшей Тифлисской губернии Российской империи [КОКИЕВ, 1926, С. 23]. Между тем, Кударское ущелье административно входило в состав Кутаисской губернии той же империи. Таким образом, по представлениям северных и южных осетин, топоним *K'wydar* охватывает разные территории Южной Осетии. Но дело этим не ограничивается.

Как показывают наши полевые наблюдения, под названием *K'wydar* в Северной Осетии известна и Наро-Мамисонская котловина (*Twalgom, Mamysony kom*), прилегающая к Южной Осетии на севере. В прошлом данная котловина административно входила в состав того же Горийского уезда, но ныне является частью Северной Осетии. Наши информанты в качестве причины причисления Туалгома к Кудару указывают на то, что у жителей этого региона «другой язык» (*ændær ævzag*), т.е. «другой диалект»¹.

Эти сведения подтверждаются и сообщением В. Переваленко – автора середины XIX в., который среди прочих сел Кударского ущелья назвал селение *Квемобожи* [ППК, I, С. 87]. Селения *Квемо-Боджа* и *Диди-Боджа* среди прочих сел Южной Осетии упоминает и путешественник конца XVIII в. И. Гюльденштедт. Как полагал академик Г. С. Ахвледиани, названные села локализуются в Кударском ущелье, а одно из них соответствует топониму *Божа*, отмеченному на карте Южной Осетии, составленной в 1900 г. [АХВЛЕДИАНИ, 1960, С. 67, 75]. Между тем, по свидетельству топонимиста З. Д. Цховребовой, в Кударском ущелье Южной Осетии нет сел с такими названиями, а топоним *Божа* на упомянутой карте четко локализуется в Северной Осетии [ЦХОВРЕБОВА, 1979, С. 117, 120]. Действительно, в Мамисонском ущелье Северной Осетии, прилегающем к Кударскому ущелью на севере, известны топонимы *Æddag Bodzo, Bodzo* и *Fallag Bodzo* [ЦАГАЕВА, 1975, С. 222, 226, 265], с которыми и следует сопоставить топоним (*Квемо*) *Боджа*. Локализуя данные села в области Кудар, В. Переваленко имел в виду не Кударское ущелье Южной Осетии, а смежное с ним Мамисонское ущелье Северной Осетии.

Не исключено, что в прошлом название *K'wydar* прилагалось и к Касарскому ущелью Северной Осетии. Так, в одной дигорской песне находим следующие слова: *Wællag Iri saer K'udar æj* «Над Алагирским

¹ Для обозначения всех видов диалектно-говорных различий в осетинском языке существовал всего один термин – *ævzag* ‘язык’. Термины *dialekt*, *nyxasæzdæxt* ‘говор, наречие’, *k'wyton* *nuhas* ‘подречие, подговор’ появились недавно.

(ущельем) находится (область) Кудар» [ИАС, II, С. 609]. Если учесть, что в прошлом «Алагирское ущелье» было названием части Северной Осетии, расположенной между селениями Тәмискъ и Бурон [МД, 1989, I, С. 76; МД, 1993, V-VI, С. 110-111; Туаты, 1999, С. 66; ср.: БЗАРОВ, 1987, С. 11, 13-14; БЗАРОВ, 1988, С. 19], то можно высказать догадку, что Ка-сарское ущелье, начинающееся сразу за Буроном, входило в состав «(области) Кудар».

Возникает вопрос: какое из отмеченных значений топонима *K'wydar* первично, а какое вторично? Другими словами, имеем ли мы дело с сужением первоначальной семантики этого топонима в говорах Южной Осетии или, напротив, ее расширением в говорах Северной Осетии?

Первое из этих предположений априори кажется более вероятным по двум причинам. Во-первых, в Мамисонском ущелье Северной Осетии действительно говорят на особом диалекте осетинского языка, тесно связанным с «кударским» (или «джавским») диалектом Южной Осетии [ТИБИЛОВ, 1988, С. 26, 68; БЕКОЕВ, 1985, С. 170-173; ДЗАТТИАТЫ, 2002, С. 160]. Данный диалект, как и название *K'wydar*, не мог быть перенесен из Южной Осетии в Северную, так как основная волна переселений шла с севера на юг, а не в обратном направлении. Следовательно, носители кударского диалекта в Мамисоне – это остаток прежнего кударского населения, основная часть которого выселилась в Южную Осетию. Такой же путь мог проделать и анализируемый топоним.

Во-вторых, для того, чтобы северные осетины могли перенести название одного из ущелий Южной Осетии на Южную Осетию в целом, необходимо, чтобы это ущелье было известно им лучше других югоосетинских ущелий. Между тем, большинство населения Северной Осетии даже и не подозревает о существовании Кударского ущелья. Если бы в поисках названия для Южной Осетии осетинам Северной Осетии пришлось переносить на Южную Осетию название одного из ущелий, то для этой цели лучше всего подошло бы название *Twalgom*, покрывающее собою всю Наро-Мамисонскую котловину. Любопытно отметить, что в средневековых грузинских источниках Южная Осетия известна именно как «Туалия» (груз. *Dvaleti*), а В. Ф. Миллер называл кударский диалект осетинского языка «туальским» [МИЛЛЕР, 1882, С. 30-31]².

Следовательно, появление названия *K'wydar* в Северной Осетии, а также прикрепление этого названия к Южной Осетии в целом – это результат каких-то других процессов, притом весьма древних.

² Под грузинизированным названием «двальский» этот диалект известен и в работах Г. С. Ахвlediani и Д. Г. Бекоева.

Итак, на вопрос, поставленный выше, мы можем дать пока лишь предварительный ответ: в Южной Осетии скорее всего произошло сужение исходной семантики топонима *K'wydar*, семантики, сохранившейся в говорах Северной Осетии. Весьма симптоматично, что решение поставленной задачи выводит нас за пределы собственно лингвистических проблем и тесно смыкается с проблемой этнической истории Южной и Центральной Осетии. Нам придется, в частности, дать ответ не только на вопрос о появлении топонима *K'wydar* в Северной Осетии, но и на вопрос о соотношении в исторической ретроспективе топонимов *K'wydar* и *Twal(gom)*. Очевидно также и то, что к вопросу о происхождении топонима *K'wydar* тесно примыкает весьма важный для осетинской диалектологии вопрос о становлении центральных и южных говоров осетинского языка.

Следующий вопрос, требующий ответа на предварительном этапе, касается существующего параллельно с топонимом *K'wydar* этнонима *k'wydar* ‘кударцы’ (откуда такие производные, как *k'wydajrag* ‘кударец’ и вторичная форма множественного числа *k'wydajrægtæ* ‘кударцы’). Как и в случае с топонимом *K'wydar*, рассматриваемый этноним в Южной и Северной Осетии имеет разные значения. Это хорошо видно, в частности, из этнографического материала, собранного Н. Г. Волковой: «Территорию, населенную кударцами, осетины отдельных областей представляют весьма различно. Так, плоскостные осетины³ кударцами иногда называют осетинское население, живущее в горах за Буроном, т.е. туальцев, и за Рукским и Мамисонским перевалами. Туальцы считают кударцами осетин Южной Осетии и Трусовского ущелья. Население *Урс-Туалта* (Белая Туалта)⁴ называет кударцами лишь жителей Кударского ущелья Южной Осетии (...). Под именем *кудайраг* южные осетины известны и у дигорцев и у трусовцев. Среди последних существует также другое название для осетин, живущих за Крестовым перевалом (по-осетински *Бидарта*) – *дзимыр*, – которое, с их точки зрения, является синонимом слова *кудайраг* (...). Сами себя кударцы именуют *ирон*, а при общении с иронцами – *кудайраг* и *туаллаг* (...). Туальцы, живущие от трусовцев за перевалом Заккафцаг, называют их *терсиком* и *кудайраг*, однако сами себя трусовцы к кударцам не причисляют» [ВОЛКОВА, 1973, С. 117-118]⁵.

³ Имеются в виду северные осетины. – Ю.Д.

⁴ Название провинции в Южной Осетии. – Ю.Д.

⁵ По любезному сообщению З. П. Джабиева, южные осетины называют трусовцев *əxsaɪŋag twal* ‘срединными туальцами’. Вахушти Багратиони (начало XVIII в.) сообщает: «Ущелье Трусо (...) принадлежит Двалети» [ВАХУШТИ, 1904, С. 138].

К этому следует добавить, что и жители Кударского ущелья Южной Осетии, по нашим наблюдениям, не называют себя кударцами. Они считают себя иронцами, однако иронцы Северной Осетии, единственным самоназванием которых является этноним *iron*, не дают этого названия ни дигорцам, ни туальцам, ни тем более южным осетинам [МИЛЛЕР, 1887, С. 109]. Дигорцы также не распространяют этноним *iron* на южных осетин.

Создается впечатление, что в Центральную и Южную Осетию этноним *iron* попал сравнительно недавно, очевидно, в результате переселения из Северной Осетии больших групп северных иронцев. Массовый исход северных иронцев мог произойти только в результате серьезных исторических катализмов, каковым, учитывая исторические данные, могло быть либо татаро-монгольское нашествие на Северный Кавказ, либо последовавшее за ним нашествие Тамерлана. Именно эти события нашли отклик в сообщении грузинского историка и географа начала XVIII в. Вахушти Багратиони: «После похода Чингис-хана Ботохакан (Батый – Ю.Д.) разбил (осетин) и опустошил (страну их), осетины же ушли внутрь Кавказа (...). После же опустошения Овсетии (Осетии. – Ю.Д.) и вступления их (осетин) внутрь Кавказа, стали называться – Овсетия Черкесией, или Кабардо⁶, а находящиеся в горах Кавказа по имени вступивших сюда (осетин) – Овсетией» [ВАХУШТИ, 1904, С. 138].

Как мы полагаем, переселившиеся во внутренние районы Кавказа осетины-овсы и являются теми иронцами, которые принесли в Южную Осетию самоназвание *iron*. Следовательно, до их переселения в Центральную и Южную Осетию у проживавших там осетин было другое самоназвание. Какое именно? Как это видно из грузинских источников, южные осетины в эпоху средневековья именовали себя туалами. Отсюда видно, что после отмеченного переселения этноним *iron* вытеснил самоназвание *twal* на всей территории Южной Осетии за исключением глухой окраинной провинции *Urs-Twaltæ*. Эта смена самоназвания осталась незамеченной для иронцев в Северной Осетии, которые перенесли на новых наследников Южной Осетии название предшествовавших им туальцев. Нечто подобное произошло и на Северном Кавказе, в Балкарии, где приблизительно в эту же эпоху аланское население, известное под самоназванием *azу*, сменилось тюркским, однако соседние осетины перенесли на тюрков прежнее название *azу*, принявшее в современном осетинском языке значение ‘балкарцы’.

⁶ Опустевшую на плоскости землю со временем заняли адыгские (кабардино-черкесские) племена.

Но если этноним *twal* – это историческое самоназвание южных осетин, то как он соотносился с этнонимом *k'wydar*, который, судя по всему, также был названием тех же средневековых южных осетин? Этот вопрос неразрывно связан с другим вопросом, а именно: что первично при сопоставлении этнонима *k'wydar* с одноименным топонимом, а что вторично? Иными словами, восходит ли топоним к этнониму или наоборот? Дело в том, что осетинский язык знает оба варианта развития. Так, с одной стороны, упомянутый этноним *asy* ‘асы’ стал названием ущелья – Азы ‘область проживания асов’, ‘Балкарья’. С другой стороны, название реки и ущелья *Čysan* в Южной Осетии превратилось в название этнографической группы осетин, чисанцев, проживающих в этом ущелье⁷.

Мы полагаем, что топоним *K'wydar* первичен, а этноним *k'wydar* является его дериватом. Следовательно, можно высказать догадку, что в аланско время южные осетины были известны северным осетинам и как туальцы (по самоназванию *twal*), и как кударцы, т.е. «жители области Кудар». Второе из них было иноназванием, возникшим исключительно в североосетинской среде.

Аргументов, свидетельствующих о первичности топонима *K'wydar* и вторичности соответствующего этнонима, вполне достаточно. Наиболее существенными среди них являются следующие.

Топоним *K'wydar* в форме *K'udaro* неоднократно упоминается у Вахушти Багратиони, причем является названием Кударского ущелья Южной Осетии [Вахушти, 1904, С. 82, 146, 147, 216, 217, 218; Вахушти, 1976, С. 101, 276]. В то же время этноним «кударец» у Вахушти ни разу не встречается. Более того, жителей Кударского ущелья Вахушти считает туальцами: «жители Большой Лиахвы, Малой Лиахвы, Кснис-хеви (Чисанского ущелья. – Ю.Д.) и Кударо тоже суть двальцы» [Вахушти, 1904, С. 147]. Далее, в топонимии Осетии имеется значительное количество топонимов, исходящих на *-ar* (см. ниже), тогда как нет ни одного оригинального осетинского этнонима с таким же окончанием.

Таким образом, средневековая Южная Осетия (или какая-то ее часть) носила название *K'wydar*, а населявшие ее осетины у соседних грузин и северных осетин были известны как туальцы (осет. *twal*, груз. *dvalni*). Но северные осетины пользовались еще одним названием – *k'wydar*, восходящим к соответствующему географическому названию. Грузины, знавшие о существовании области *K'wydar* от южных осетин,

⁷ [АБАЕВ, 1949, С. 495; см. также: Калоев, 1971, С. 63]. К дачанам «Армянской географии» (согласно другому чтению это рачаны) чисанцы не имеют отношения, вопреки Б. А. Алборову [АЛБОРОВ, 1930, С. 258].

употребляли этот термин в югоосетинском его значении – ‘область на северо-западе Южной Осетии’. Таким образом, сужение первоначальной семантики рассматриваемого топонима произошло задолго до XVIII в., а точнее, как увидим ниже, задолго до эпохи средневековья.

2. Топоним *K'wydar* и «этноним» *Kowdētk*

В «Армянской географии» VII в. н.э. («Ашхарацуйц») сохранилось следующее описание этнического состава населения северных и южных склонов Центрального Кавказа: «Народы в Сарматии распределены следующим образом, начиная с запада и направляясь к востоку: во-первых, племена Аланов, Аштигор, на юге вместе с ними живут хебуры, кудеты (*Kowdētk*), а также аргвельы, маргвельы и скюмии, т.е. такуйры. За дигорами в области Ардоз Кавказских гор живут аланы (...). В тех же горах, после народа Ардоз, проживают племена Рачан (вариант чтения: Дачан), (Пиндж), Двалов, (Хонов), Цхумов, Овсупров, Цанаров (...)» [АИА, I, С. 17; ГАБРИЕЛЯН, 1984, С. 14-15].

Г. Кокиев был первым, кто сопоставил кудетов «Армянской географии» с осетинами-кударцами [КОКИЕВ, 1926, С. 23, 24]. Если бы данное сопоставление оказалось верным, то мы имели бы надежные основания для локализации средневековых кударцев в Кударском ущелье Южной Осетии. Следует поэтому хотя бы коротко остановиться на различных опытах толкования интересующего нас пассажа.

В. Ф. Миллер был одним из первых, кто подробно остановился на разборе существовавших в его время переводов «Армянской географии» и предложил отождествление большей части встречающихся в ней этнонимов с названиями современных кавказских народов [МИЛЛЕР, 1887, С. 104-116]. Многие из предложенных им сопоставлений сохраняют силу и в наше время, однако вопроса о кудетах он не коснулся.

Реконструкции первоначального армянского текста посвящена работа С. Т. Еремяна [ЕРЕМЯН, 1970, С. 400-409], на которой основан приведенный выше перевод, выполненный Р. А. Габриелян. На этой же реконструкции в конечном итоге основан и новый комментированный перевод А. Алемания [АЛЕМАНЬ, 2003, С. 367-371]⁸, а также ряд исследований последних лет [КУЗНЕЦОВ, 1992, С. 182 и сл.; БЛИЕВ, БЗАРОВ, 2000, С. 94]. Эти и некоторые другие авторы исходят из отождествления «этнони-

⁸ «А в Сарматии находятся, начиная с востока на запад, прежде всего, народ аланов аш-дигор, а затем на юге их соседи хебуры, кудеты, аргвельы – которые маргвельы – и сквины – (которые) такуйры» [АЛЕМАНЬ, 2003, С. 369].

ма» *kowdētk* с областью *K'wydar*, помещая ее между рачинцами-«рачанами» и туальцами-«дуалами», т.е. там, где находится современное Кударское ущелье [ЕРЕМЯН, 1970, С. 406; АИА, I, С. 47; HEWSSEN, 1992, Р. 115; КУЗНЕЦОВ, 1992, С. 182; АЛЕМАНЬ, 2003, С. 370].

Этого отождествления придерживается и Ю. С. Гаглойти, посвятивший специальное исследование сведениям «Ашхарацуйца» об аланах и осетинах [ГАГЛОЙТИ, 1966]. В его исследовании аргвелы, или маргвелы, сопоставлены с западногрузинской областью *Argveti*, или *Margveti*, а та-куйры – с грузинской областью «Такуери» [ГАГЛОЙТИ, 1966, С. 191-192; АИА, I, С. 47]. Что касается хебуров, то они сопоставлены с грузинским племенем рачинцев-гебцев, иначе называемых «глола-хебурами» [ГАГЛОЙТИ, 1966, С. 192]⁹.

«Локализация хебуров, аргвелов и такуйров к югу от дигоров свидетельствует о том, что кутетов (вар. кудеты), упоминаемых Географией вместе с ними, также следует искать на южных склонах хребта. Доказательством этого служит, в частности, и упоминание Географией в числе 24 областей Иберии и области Кудит, близость которой к упомянутым ранее кутетам-кудетам не может не броситься в глаза» [ГАГЛОЙТИ, 1966, С. 192].

К сожалению, состояние армянского памятника не дает оснований для окончательных выводов. Приемлемые с палеографической точки зрения правки позволяют по-разному читать и интерпретировать имеющуюся в этом памятнике ономастику (ср. такие варианты чтения, как *даchanы* – *раchanы*). В связи с этим обращает на себя внимание недавнее исследование К. Цукермана, содержащее новый комментированный перевод рассматриваемого отрывка из «Армянской географии». В нем радикально пересмотрена локализация и отождествление упомянутых выше племен. В частности, хебуры отождествлены с брухами и помещены на северо-западном Кавказе, кутеты отождествлены с готами и помещены рядом с хебурами-брухами и т.д. [ZUCKERMAN, 2003, Р. 144-152]. Я не берусь судить о справедливости этих отождествлений, однако нельзя не обратить внимание на тот факт, что французский исследователь старательно обошел вниманием сопоставление кудетов с кударцами¹⁰.

⁹ Крайне сомнительно отождествление хебуров с одним из дагестанских племен, жившим в бассейне верхнего течения реки Койсу, принятое Р. А. Габриелян [АИА, I, С. 47].

¹⁰ Настоящая статья была уже в производстве, когда появилась работа Ю. С. Гаглойти, содержащая критику концепции К. Цукермана (*Гаглойти Ю.С. Аланофобия – мифы и реальность //* газета «Пульс Осетии», № 23 за июнь 2006, С. 3).

Таким образом, об отождествлении «этнонима» *kowdētik* с топонимом *K'wydar* можно говорить с определенной долей сомнения. В случае если оно окажется верным, то это будет означать, во-первых, что в VII в. н.э., судя по топонимическому окружению, область Кудар находилась там же, где она известна и в наше время, а именно – на северо-западе Южной Осетии. Следовательно, в значении ‘Южная Осетия’ этот топоним употреблялся до эпохи средневековья. Во-вторых, мы можем сделать первый шаг к его этимологии, ибо форма *kowd-ēt-k* содержит показатель множественного числа *-k* в армянском языке и топоформант *-et(i)* грузинского происхождения. Какой из всего этого следует вывод?

К. Цукерман прав, допуская, что одним из информаторов автора «Армянской географии» по населению Кавказа мог быть грузин [ZUCKERMAN, 2003, Р. 147]. Об этом, помимо формы **K'udeti*, свидетельствует и форма *Dual-k*, соответствующая грузинской *dvali*, а не осетинской *twal*. Об этом же говорит реконструированная С. Т. Еремяном форма **Awsur-k*, восходящая к древнегрузинскому названию осетин *ovs-i*,сложненному грузинским же суффиксом *-ur-i*.

То, что топонимия Осетии, представленная в «Армянской географии», прошла через грузинское посредство, было ясно и проф. Б. А. Алборову [1930, С. 258]. Сказанное, в свою очередь, означает, что перед нами не этноним, а топоним **K'ud-et-i*, который переводится с грузинского языка как ‘Страна куд-ов’. Стало быть, и средневековый осетинский источник грузинского **K'ud-et-i* мог означать что-то в этом же роде. Следовательно, анализируемый осетинский топоним следует делить на *K'wydar*, где первая часть является этнонимом, а вторая часть – каким-то формантом.

Поддерживает ли этимологический анализ осетинского топонима такую интерпретацию?

3. Обзор существующих этимологий топонима *K'wydar*

Первая этимология интересующего нас топонима принадлежит народным сказителям. И хотя она не представляет научной ценности, мы приводим ее в связи с тем, что народная этимология, во-первых, пытается объяснить происхождение топонима *K'wydar*, а не связанного с ним этнонима, что лишний раз свидетельствует в пользу первичности топонима. Во-вторых, эта же этимология говорит о том, что в сознании носителей осетинского языка рассматриваемый топоним уже давно был морфологически неразложимым, и его требовалось «объяснить». Следовательно, перед нами один из древнейших топонимов на территории Южной Осе-

тии, морфологическая структура которого становится ясной только после применения этимологического анализа.

Один из вариантов народной этимологии топонима *K'wydar* был записан в 1883 г. В. Ф. Миллером в Южной Осетии. Он гласит: «Тамар дэдопали (царица Тамара – Ю.Д.) была бездетной царицей. Она жила на горе Бурсабдзели¹¹. С этой горы она отправилась в Имеретию¹² и сказала своей служанке: «Никому не отдавай ключей». Когда Тамара уехала, ее служанка не устояла, отворила двери ключами и оттуда (из комнаты) вылетела утренняя звезда и села на небо. После этого небо заволокло и начал валить сильный снег. Увидев это, Тамара вернулась назад и когда достигла Они¹³, то снег перевалил ее коню выше лопаток. Поэтому и называется город Они (Уәни)¹⁴. Оттуда поехала она к Кудару (Къуыдар) и там ее конь умер. Поэтому это место и зовется Кудар (...» [МИЛЛЕР, 1887, С. 174-175]¹⁵.

В. Ф. Миллер неверно понял суть заложенной в последнем пассаже «этимологии», и дал к топониму *K'wydar* следующее примечание: «*K'wydar* значит обрубок, колода и применяется иронически к покойнику» [МИЛЛЕР, 1887, С. 178]. Действительно, слово *k'wydyr*, а не *k'wydar*, в осетинском языке означает ‘обрубок, чурбан’ и употребляется иногда в значении ‘покойник’. Но сказитель имел в виду не это, а другое, – грузинское слово *mk'vdari* ‘мертвый’. На это верно указал проф. И. В. Мегрелидзе, который резонно отклонил данную «этимологию» как несостоятельную [МЕГРЕЛИДЗЕ, 1960, С. 111]. Действительно, если бы топоним *K'wydar* восходил к грузинскому слову *mk'vdari*, то интересующее нас ущелье в грузинском языке носило бы название **Mk'vdaro*, а не *K'udaro*. Совершенно очевидно, что последняя форма восходит к осетинской *K'wydar*, а точнее – к староосетинской **K'udar* (см. ниже).

В Кударском ущелье нам приходилось слышать другую легенду¹⁶, согласно которой в стародавние времена грузинские князья учинили в Кударском ущелье кровавую бойню, после чего осетины назвали эту местность *Kwyd ran*, т.е. ‘Место плача’, а уже из этого сочетания со време-

¹¹ Гора в Южной Осетии, известная и под другими названиями: *Burxoх*, *Xurbadaenух*.

¹² Провинция в Западной Грузии.

¹³ Название города в Западной Грузии, на пути из Южной Осетии в Имеретию.

¹⁴ Народно-этимологическое сближение грузинского ойконима с осетинским словом *wæn* ‘лопаточная кость’.

¹⁵ Варианты этой легенды были записаны в начале прошлого века [ИТ, С. 30-32, 32-34].

¹⁶ Информант Ёлборты Виктор.

нем произошел топоним *K'wydar*. Несостоятельность и данной версии народной этимологии не вызывает сомнений.

Если обратиться теперь к научным этимологиям, то выяснится, что в своем большинстве они фактически являются сопоставлениями, а не этимологиями в научном смысле этого слова. Первый опыт подобного сопоставления, как было отмечено выше, принадлежит Г. Кокиеву. Другое сопоставление было предложено проф. Б. А. Алборовым.

Разрабатывая гипотезу о малоазиатском происхождении нартовского эпоса осетин, Б. А. Алборов пришел к выводу, что и в этногенезе осетин малоазиатские племена приняли активное участие. Этот вывод был сделан на основе целого ряда весьма сомнительных, а порою явно ошибочных этимологий, о которых в осетиноведении сейчас мало кто вспоминает. В числе других этимологий находим и сопоставление топонима *K'wydar* с ассирийско-ванским топонимом *Kidari* [АЛБОРОВ, 1930, С. 281]. Данное сопоставление не может быть принято по соображениям как исторического, так и фонетического характера.

Следующая по времени этимология принадлежит А. Т. Агнаеву, который сопоставил топоним *K'wydar* с памирским (бартангским) топонимом *Kudar* – название реки и ущелья [АГНАЕВ, 1959, с. 88]. Данное сопоставление без ссылки на А. Т. Агнаева повторил В. Хугаев, который предложил еще и членение на *K'wy + dar*, видя в первой части персидское *kuh* ‘гора’, а во второй – персидское *dar* ‘дверь’ [ХУГАЕВ, 1966, С. 72].

Связь топонима *K'wydar* с персидским *kuh + dar* следует отклонить по целому ряду причин. Во-первых, как уже было отмечено, сопоставление анализируемого топонима с древнегрузинским **K'ud-et-i* ясно показывает, что в топониме *K'wydar* следует выделить корень *K'wyd-* и суффикс *-ar*. Деление на *K'wy-dar* неприемлемо. Во-вторых, в языке южных осетин не отмечено никакого персидского влияния. В-третьих, начальная абруптивная фонема остается необъясненной. В-четвертых, исходное значение топонима *K'wydar*, как мы видели выше, было шире и не сводится к одному ущелью, следовательно, значение типа «ворота гор» мало подходит для его объяснения.

По тем же причинам следует отклонить связь с памирским топонимом *Kudar*¹⁷, который содержит персидское слово *dar* ‘ущелье’, а не *dar* ‘дверь, ворота’. Показательно, что А. Т. Агнаев отказался от этого сопоставления, предложив взамен другое, на мой взгляд, еще более неудачное.

В своей новой этимологии А. Т. Агнаев исходит из той посылки, что существует этноним, но нет топонима *K'wydar*, поэтому его этимо-

¹⁷ Ср. еще название орошорского кишлака *Gudara* [ДОДЫХУДОЕВ, 1975, С. 10].

логия должна быть ориентирована на поиск созвучного этонима [АГНАЕВ, 1992, II, С. 4]. Эта посылка свидетельствует о незнании не только грузинского (см. выше), но и осетинского материала, однозначно указывающего на первичность топонима *K'wydar* и вторичность соответствующего этонима. Но дело даже не в этом. За тридцать лет до появления данной этимологии этот же автор, как мы видели выше, уже обращался к этимологии интересующего нас названия. Но тогда он этимологизировал именно топоним, а не этоним *k'wydar*. В чем же заключается причина столь радикальных изменений в отношении учёного к изучаемому названию?

Оказывается, все очень просто. Согласно новой этимологии А. Т. Агнаева, рассматриваемое название связано со скифским **этонимом**, который упоминается в этногенической легенде скифов, записанной Геродотом. Это этоним *катиар*, который, по мнению А. Т. Агнаева, состоит из иранской основы *kata-* ‘землянка’, инфиксa *-i-* и основы осетинского глагола *ar-up* ‘находить’ [АГНАЕВ, 1992, I, С. 3]¹⁸.

Данная этимология вызывает слишком много вопросов. Начнем с того, что скифское *катиар*, как установлено несколькими поколениями иранистов (Кристенсен, Дюмезиль, Раевский и др.), не является этонимом – это скифское наименование социальной группы рядовых общинников. Во-вторых, А. Т. Агнаев отталкивается от греческой передачи (в транслитерации на кириллицу) скифского слова, исконное звучание которого нам не известно. Однако, учитывая закономерности в передаче скифских слов средствами греческого письма, Ж. Дюмезиль предложил восстановить его скифскую форму либо в виде **hi-čahra-* ‘имеющий хорошие пастища’, либо в виде **gau-čahr-ya-* ‘имеющий пастища для крупного рогатого скота’ [ДЮМЕЗИЛЬ, 1990, С. 148-149]. Последняя реконструкция принята А. Кристолем [CHRISTOL, 1989, Р. 8; см.: РАЕВСКИЙ, 1977, С. 69-70] и представляется нам вполне убедительной. Так вот, ни один из этих этимонов не мог привести к осетинскому *k'wydar*.

Но если даже греческую транскрипцию скифского слова признать абсолютно адекватной его скифскому произношению, то и в этом случае из формы *катиар* трудно получить осетинскую форму *k'wydar*. Иранское *kata-* в осетинском языке закономерно отложилось в виде *kæt* ‘конюшня’ [АБАЕВ, 1958, С. 590], и нет никаких оснований полагать, что эта же основа могла дать еще и незакономерную форму *k'wyd*.

¹⁸ Соединительная гласная *-i-* (при членении *кат-i-ap*) может быть интерфиксом, но не инфиксом.

Существуют и другие опыты этимологического анализа рассматриваемого топонима. Так, Т. А. Гуриев высказал предположение о наличии в нем показателя множественности *-ar*, наличного в северокавказских языках, и оставившего след также и в этнониме *dugur* ‘дигорцы’ [ГУРИЕВ, 1963, С. 91]. В кавказских языках действительно представлен суффикс множественного числа *-ar*, ср. абхаз., лезгин., табасар. *-ar*, чечен. *-(h)ar*, бацбийс., арчин. *-or*, сван. *-är* и т.д. [ЧИРИКБА, 1985, С. 95-96]. Более того, в топонимии Грузии отмечен топоформант *-ar* (с вариантом *-al*) [БЕДОШВИЛИ, 1972, С. 123], который, однако, по происхождению вряд ли связан с этим суффиксом. Кавказский суффикс *-ar* вполне мог оставить след и в топонимии Осетии и, в частности, весьма уместен в составе анализируемого топонима. Но для того, чтобы во второй части топонима *K'wydar* признать именно этот суффикс, необходимо, чтобы и для корня *K'wyd-* было найдено удовлетворительное объяснение на кавказской почве. К сожалению, Т. А. Гуриев оставил рассматриваемый корень без этимологии. Оставил он без внимания и многочисленные осетинские топонимы, содержащие суффикс *-ar*, корни которых имеют прозрачную осетинскую или иранскую этимологию (см. ниже). А это свидетельствует против инонационального происхождения суффикса *-ar*.

Сравнительно недавно появилась статья Н. Г. Джусойты, в которой в числе прочего затронут и вопрос о происхождении рассматриваемого топонима. Н. Г. Джусойты, как и Т. А. Гуриев, выделяет в нем компонент *-ar*, который, как и Т. А. Гуриев, но без ссылки на него, сопоставляет с окончанием *-ur* в этнониме *dugur*. Однако выделенное *-ar / -ur* Н. Г. Джусойты, в отличие от Т. А. Гуриева, возводит к этнониму «арий», который, в свою очередь, возводит к иранскому прототипу **vara-* (*vara*) [ДЖУСОЙТЫ, 1995].

Этимология Н. Г. Джусойты идет вразрез с данными исторической фонетики осетинского языка и не учитывает принятой в науке этимологии этнонима «арий». Во всех известных на сегодняшний день иранских и индоарийских языках этноним «арий» встречается либо в форме *arya-*, *ārya-*, либо отражает ее рефлексы [BARTHOLOMAE, 1961, 198; Абаев, 1995, С. 671-676; БЕНВЕНИСТ, 1995, С. 77 и сл., 236, 237, 240-243; ДЮМЕЗИЛЬ, 1986, С. 173-192; РАСТОРГУЕВА, ЭДЕЛЬМАН, 2000, С. 222-224]. Нет ни одного индоиранского языка, в котором бы интересующий нас этноним встречался в форме **ar*, т.е. без элемента *y(i)*. Это очень важное обстоятельство, ибо древнеиранское сочетание **ry (ri)* в осетинском языке регулярно отражается в виде *l(l)*. Таким образом, если оставаться в рамках исторической фонетики осетинского языка, то осетинское сочетание *-ar* никак не может восходить к иранскому **arya-* ‘ариец’.

Правда, в некоторых скифо-сарматских наречиях сочетание **ry* имело и другие варианты развития. Академик Я. Харматта установил, что в различных наречиях скифского и сарматского языков иранская основа **arya-*, помимо рефлекса *al-*, дала еще и рефлексы *ar-y-*, *ir-*, *il-* [Harmatta, 1970, Р. 77-82]. Но и эти формы не могли привести к осетинскому *ar*.

Что касается этимологии арийской основы **arya-*, то ее уверенно возводят к индоевропейской **ar(y)o-* [ГАМКРЕЛИДЗЕ, ИВАНОВ, 1984, II, с. 755; РАСТОРГУЕВА, ЭДЕЛЬМАН, 2000, С. 222], а к иранской **vāra-* она, разумеется, не имеет никакого отношения.

Наконец, в 2000 г. появилось исследование П. Козаева, в котором этноним *k'wydar* выводится из названия гуннов-кидаритов [КОЗАЕВ, 2000, С. 130-131]. При этом автора совершенно не интересуют ни исторический, ни лингвистический аспект данного сопоставления. Я уже не говорю о том, что этимология, ориентированная на этноним *k'wydar*, заведомо ошибочна.

В 1990 г. в статье, опубликованной в осетинском журнале «Фидиаэг», мы предложили свою этимологию топонима *K'wydar* [Дзиццойты, 1990]. С тех пор в различных публикациях на русском и осетинском языках мы не раз возвращались к нашей этимологии, развивая отдельные ее положения (см. библиографию). Наша этимология нашла отражение в ряде работ по осетиноведению [БЛИЕВ, БЗАРОВ, 2000, С. 67, 94, 166; Чочиев, 2000, С. 98]. Кроме того, в докладе, прочитанном 22 ноября 2002 г. на международной конференции по алановедению (Арас, Франция), мы вынесли основные положения этой этимологии на суд французских коллег и нашли сочувственный отзыв в выступлениях профессоров Ф. Корнильо и Ж.-Н. Корвизье. Настоящая публикация является первым опытом развернутого и цельного изложения предложенной нами этимологии.

4. Суффикс *-ar* в осетинском языке

Как видно из сопоставления топонима *K'wydar* с «этнонимом» *kowdētk*, первый из них допускает членение на *K'wyd-ar*, где компонент *-ar* – это суффикс. В современном осетинском языке нет такого суффикса, однако, как показывает анализ, он широко представлен как в ономастической, так и апеллятивной лексике осетинского языка. Рассмотрим сначала данные топонимии.

Суффикс *-ar*, помимо топонима *K'wydar*, встречается в составе целого ряда других топонимов. Сюда относятся (в Северной Осетии):

Æmğ-ar, *K'as-ar-a*¹⁹ – название ущелья, *Džim-ar-a* – название селения²⁰, *Xupp-ar-a* – название пастбища, *Dzam-ar-as* [ЦАГАЕВА, 1975, С. 61], *Madz-ar*, *Malx-aræ-jy qæd*, *Mæc'-ar-aw-džyn*, *Kol-ar*, *Gæt-ar*, *Mælğ-ar*, *Sul-ar-tæ*, *Tatx-ar-a*, *Qap-ar-a*²¹. Сюда относятся и следующие названия населенных пунктов в Южной Осетии: *Biq-ar*²², *C'et-ar*²³ и, возможно, *C'un-ar*. Ср. также название теснины *Хъас-ap-a* у истоков реки Терек и ороним *Qud-ar-ty xox* ‘гора Кудар’ в Кудском ущелье Южной Осетии (ныне административно входит в состав Душетского района Грузии).

Правомерность вычленения компонента *-ar* в перечисленных топонимах подтверждается наличием в топонимии и антропонимии Осетии параллелей к их корням. Так, топоним *K'as-ar-a* по происхождению неотделим от топонима *K'as-a-gom* в Северной Осетии [ЦАГАЕВА, 1975, С. 116], буквально означающего ‘ущелье Къас(а)’.

Топоним *Dzam-ar-as* связан, с одной стороны, с топонимами *Dzam-a*, *Dzam-a-gom* ‘ущелье Дзам(а)’, *Dzam-ur-a*, а с другой – с топонимом *Dzam-as* в Южной Осетии [Беджызаты, 1958, С. 347]. Особенno показателен последний из них, содержащий тот же непродуктивный суффикс *-as*, который мы находим не только в топониме *Dzamaras*, но еще и в топониме *C'imas*. Вся разница между топонимами *Dzam-ar-as* и *Dzam-as* заключается в наличии в первом из них интересующего нас форманта *-ar*.

Топоним *Æmğ-ar* неотделим от топонима *Æmğ-on*, встречающегося в эпической географии осетинского нартovского эпоса [НГЭ, С. 258].

¹⁹ К топоформанту *-ar* нередко присоединяется еще и суффикс *-a*, который выделял В. Ф. Миллер, между прочим, в слове *k'asara* ‘таможня’ [МИЛЛЕР, 1882, С. 114], восходящем к топониму *K'asara*.

²⁰ Связь топонима *Džimara* с арабским словом *džumar* ‘верхушка, корона, сердцевина’ [ЛАВРОВ, 1980, С. 212] более чем сомнительна. В форме *Gimara* этот ойконим зафиксирован в Казбекском районе Грузии и помещен среди грузинских топонимов, исходящих на *-ara* [Топонимика, 1980, С. 51]. Однако исторически данная часть нынешнего Казбекского района является восточной оконечностью Центральной Осетии, где проживают исключительно осетины, и ойконим *Gimara* является названием осетинского, а не мхевского (вопреки авторам «Топонимики») населенного пункта. Форма *Gimara* к тому же отражает староосетинское произношение, бывшее в употреблении вплоть до конца XIX в.

²¹ Имеет ли к этому отношение топоним *Qap-ar-i*, отмеченный в Эрцо-Тианетском регионе Грузии (Кахетия) [БЕДОШВИЛИ, 1972, С. 123]?

²² В [Топонимика, 1980, С. 167] этот топоним приведен в числе грузинских (!) ойконимов, исходящих на *-qar*.

²³ В искаженной форме *C'etari* данный топоним зафиксирован в числе грузинских (!) ойконимов, исходящих на *-tar* [Топонимика, 1980, С. 161].

Компонент *-on* в последнем из них – это хорошо известный осетинский суффикс.

По отделении форманта *-ar* в ойкониме *C'unar* получаем корень *C'un-*, который трудно отделить от следующих осетинских топонимов: *C'on*, *C'on-ux-sa*, *C'on-ğuz*, *Us-c'on-tæ*, *C'un-ux-a*.

Название покосного участка *Madz-ar* в Северной Осетии трудно отделить с одной стороны от фамильного имени *Madzatæ* «Мадзаевы», а с другой – от топонимов *Madzaty zæxxytæ* ‘земли Мадзаевых’ и *Madz-a-skæ*. Последний из этих топонимов содержит распространенный в топонимии Северной Осетии непродуктивный топоформант *-sk-* [ЦАГАЕВА, 1975, С. 157, 158, 347].

В первой части топонима *Mæc'-ar-aw-džyn* А. Д. Цагаева справедливо видит осетинское слово *mæc'* ‘лыко’ [ЦАГАЕВА, 1975, С. 91, 158]. Этот пример особенно показателен, так как формант *-ar* оказался в окружении, с одной стороны, осетинской основы (*mæc'*), а с другой – двух продуктивных осетинских формантов (*-aw-džyn*).

В первой части топонима *Tatx-ar-a* А. Д. Цагаева справедливо видит осетинское (дигорское) *tatxa* ‘грядка’ [ЦАГАЕВА, 1975, С. 96]. Это же слово в топонимии Дигории встречается и с другими формантами: *Tatxa-tæ*, *Tatxa-wat* [ЦАГАЕВА, 1975, С. 358].

Наконец, компонент *Qud-ar-tæ* в орониме *Qudarty xox*, несомненно, является производным от топонима *Qud* – название ущелья, в котором и находится названный ороним²⁴.

Как видим, непродуктивный суффикс *-ar* сочетается и с живыми осетинскими словами (*mæc'*, *tatxa*) и с корнями, происхождение которых неясно (*Æmğ-*, *K'as-*, *Madz-*, *Dzam-*, *Qud*, *C'un-*). Первая группа примеров может свидетельствовать об осетинском происхождении суффикса *-ar*. Этому выводу не противоречит и вторая группа примеров, в которой неясные по происхождению корни находят точные параллели средиозвучных топонимов Осетии. При этом важно подчеркнуть, что в ряде случаев

²⁴ Такой же характер отношений существует между оронимом *Lesari* – названием горы в Мтиулетии [ХОРНАУЛИ, 1983, С. 116], соседящей с Южной Осетией на востоке, и оронимом *Res* – названием горы на границе между Северной и Южной Осетией. Учитывая солидный осетинский пласт в топонимии Мтиулетии [Дзиццойты, 1998₁, С. 119-128], можно высказать догадку об осетинском происхождении оронима *Lesari*. Осетинский язык не терпит встречи двух «г» в одном слове и обычно подвергает первую из них диссимилятивному изменению в «f» (см. ниже). Таким образом, старая форма грузинского оронима могла быть **Resari*, которую следует делить на *Res-ar-i*, где компонент *Res-*, как было отмечено, связан с осетинским оронимом *Res*, а *-ar* – это занимающий нас суффикс.

неясный по происхождению корень сочетается либо с живым осетинским словом (*K'as-a-gom*), либо с осетинским суффиксом (*Æm̥g-on*, *Madza-tæ*).

С другой стороны, суффикс *-ar* иногда сочетается с другими продуктивными (*-ar-tæ*, *-ar-aw-džyn*, *-arae-jy*) или непродуктивными (*-ar-a*, *-ar-as*) аффиксами осетинского языка, что также не противоречит догадке об исконно осетинском характере суффикса *-ar*.

Особый интерес представляют для нас топонимы с компонентом *-ar*, корни которыхозвучны с осетинскими антропонимами. Выше мы уже привели одно из таких соответствий: топоним *Madzar*озвучен не только с топонимом *Madzaskæ*, но и с фамильным именем *Madzatæ*, а также с отфамильным топонимом *Madzaty zæxxytæ* ‘земли Мадзаевых’. Этот факт однозначно свидетельствует в пользу того, что и в топониме *Madzar* скрывается основа фамильного имени *Madzatæ*.

С другой стороны, топоним *Džim-ar-a* можно сопоставить и с ойконимом *Džim-i* и оронимом *Džim-i-gom* ‘ущелье Джим(и)’ в Северной Осетии, а также с фамильным именем *Džim-i-tæ* «Джимиевы».

Точно так же топонимы *Kol-ar* и *Mælg-ar* (из **Mærğ-ar*)²⁵ можно сопоставить с фамильными именами *Kol-o-tæ*²⁶ и *Mærğ-i-tæ*, а топоним *Gæt-ar* – с антропонимом *Gæt-aeg*.

Не означает ли сказанное, что топонимы *Madzar*, *Džimara*, *Kolar* и т.п. были родовыми поселениями соответственно Мадзаевых, Джимиевых, Колоевых, Маргииевых и Гатаевых, и буквально означали что-то вроде «Мадзаево», «Джимиево», «Колоево», «Маргииево», «Гатаево»? Иными словами, не придавал ли суффикс *-ar* топонимам, в которых он встречался, значение принадлежности того или иного географического объекта (луга, покосного или земельного участка, населенного пункта и пр.) субъекту (фамилии или отдельному человеку), имя которого выступает в качестве производящей основы данного топонима?

После того, как настоящий вывод был сформулирован в одной из наших публикаций [Дзиццойты, 1997, С. 125-126], известный осетинский филолог-топонимист З. Д. Цховребова любезно поделилась с нами результатами своих исследований в области топонимии Южной Осетии. Речь идет о названии селения *Sælbier* в Ленингорском районе Южной Осетии²⁷, в котором, как она полагает, в прошлом проживали представи-

²⁵ О закономерной для осетинского языка диссимиляции «г – г» > «l – г» см. [АБАЕВ, 1965, С. 36].

²⁶ Ср. также ойконим *Kolot* в Южной Осетии.

²⁷ В официальных источниках данный ойконим встречается в грузинизированной форме *Salbieri* [Топонимика, 1980, С. 169; см. об этом: ЦХОВРЕБОВА, 2003, С. 43].

тели фамилии *Sælbite* «Салбиевы». В настоящее время Салбиевы уже не проживают в Южной Осетии: очень давно они выселились в Северную Осетию. Но в селении Дзалиси, что в Душетском районе Грузии, соседствующем с Ленингорским районом Южной Осетии, встречается осетинская фамилия *Salbišvili* (т.е. те же *Sælbite* «Салбиевы»), которые, как правильно отмечает З. Д. Цховребова, являются частью Салбиевых, выселившихся из Салбиара. Следовательно, *Sælbiar* – это «Салбиево», «(место жительства / поселение) Салбиевых»²⁸.

Обратимся теперь к следам суффикса *-ar* в других разрядах осетинской ономастики.

Как отметила З. Г. Исаева, суффикс *-ar* налицо и в осетинской антропонимии [ИСАЕВА, 1986, С. 52]. Правда, часть антропонимов, в которых З. Г. Исаева усматривает данный суффикс, на самом деле являются заимствованиями из других языков. Наиболее интересным в ее материале, на наш взгляд, является диорское имя *Dzular*. По отделении суффикса *-ar*, мы приходим к корню *Dzul-*, который, на наш взгляд, следует усматривать и в диорском женском имени *Dzul-e*, восходящем к диорскому слову *i-dzul-un* ‘радоваться, быть веселым’.

К приведенному у З. Г. Исаевой материалу следует добавить еще один весьма показательный пример. Согласно одному преданию, предок рода *Muz-a-tæ* в Южной Осетии носил имя *Muz-ar* [ИАА, III, С. 237-239].

Кроме того, известное в Осетии фамильное имя *Ægwyz-a-tæ* в Северной Осетии встречается и в форме *Ægwyz-ar-tæ*. Далее, наряду с очень редким женским именем *Gwyb-ar* и фамильным именем *Gub-ar-tæ* в осетинской антропонимии известно и фамильное имя *Gwyb-e-tæ* и мужское имя *Gwyb-e*.

Дополнительный материал можно извлечь из сопоставления осетинских фамильных имен, собранных в работе З. Д. Гаглоевой. Ср.: *Bit-e-tæ // Bit-ar-tæ, Dud-aj-tæ // Dud-i-a-tæ // Dud-ar-a-tæ, Suğ-a-tæ // Suğ-ar-tæ, Tum-an-tæ // Tum-ar-a-tæ, Fatdz-a-tæ // Fatdz-ar-tæ* [Гаглоева, 1990, С. 11, 16, 29, 31, 32].

Весьма интересна также осетинская (диорская) поговорка: *Sağæs Sağæsarætæ kindzi ærcudaej* ‘Грусть за Печальника замуж вышла’. Здесь имя персонифицированной «Печали», *Sağæs-ar-æ*, образовано от имени его «супруги», персонифицированной «Грусти» – *Sağæs*, нарицательно означающего ‘дума, беспокойство’, с помощью интересующего нас суффикса *-ar* (диорский вариант которого – *-aræ*).

²⁸ Свидетельством того, что *Sælbite* действительно выселились из сел. Салбиар (Чисанское ущелье), является и то, что их ближайшие родичи (ærvadæltæ), *Cetojtæ* и *Rubajtæ*, и ныне проживают в Чисанском и Кудском ущельях Южной Осетии.

Нельзя обойти молчанием и теоним *Budzumar* – имя сына покровителя домашнего скота Фалвары [ХИФ, 1940, С. 170; ИАС, II, С. 449; Ф, 1994, № 1, С. 95], вариант: *Dzudzumar* [Къубалты, 1978, С. 174; ИАС, II, С. 56]. Это же имя имеет и другие варианты, позволяющие вычленить в первых двух вариантах суффикс *-ar*: *Gudzuna* [Малиты, 1973, С. 82; ПНТО, 1992, С. 104, 105], *Vuzuna* [ПНТО, 1992, С. 61]²⁹.

Приведенный антропонимический материал ценен в том отношении, что он свидетельствует против значения множественности у суффикса *-ar*. В самом деле, сопоставление имени *Muzar* с фамильным именем *Muzata*, где первое является названием одного человека, а второе, напротив, – коллектива, ясно показывает, что интересующий нас суффикс не имеет ничего общего с множественным числом. Об этом же говорят имена *Gwybar*, *Dzular* и др.

Обратимся теперь к апеллятивной лексике осетинского языка. В свое время В. Ф. Миллер усматривал суффикс *-ar* в таких осетинских словах, как *xædzar*, *cağar*, *xussar*, *xælar*, *xalsar*, *fidar*, *xabar* [МИЛЛЕР, 1882, С. 111-112]. Впоследствии выяснилось, что слова *xælar* и *xabar* являются заимствованиями, а слова *cağar*, *xussar*, *xalsar* и *fidar* имеют совершенно иную морфологическую структуру. И только в слове *xædzar* ‘дом’, на наш взгляд, можно, вслед за В. Ф. Миллером, усматривать суффикс *-ar*.

В. И. Абаев приводит несколько этимологий слова *xædzar*, ни одну из которых не считает надежной [АБАЕВ, 1989, С. 160-161]. В то же время осетинский ученый пишет: «Соблазнительно видеть в первой части отзвук хорошо известного иранского *kata-* ‘дом’» [АБАЕВ, 1989, С. 160]. Но иранское **kata-* в осетинском могло отразиться только как **kæd*.

Для того чтобы иранская **t* в осетинском отразилась в виде звонкой свистящей аффрикаты, необходимо, чтобы за нею следовала фонема **y(i)*,ср. осет. *yssædz* ‘двадцать’ из иранского **vinsati-* [АБАЕВ, 1989, С. 277]. Наличие этой же фонемы объяснило бы и переход **k-* в *x-*, ср. осет. *xæfs* ‘лягушка’ из иран. **kasyapa-* [АБАЕВ, 1989, С. 162-163].

Таким образом, если для осетинского *xædz(ar)* исходить из производной древнеиранской основы **kat-ya-*, то легко объяснить и форму и значение осетинского слова. Суффикс **-ya-* придавал значение притяжательности. Следовательно, первоначальное значение корня *xædz-* могло быть «имеющий отношение к дому», т.е. «пристройка»? К этому корню со временем и был присоединен интересующий нас суффикс.

²⁹ Содержится ли этот же суффикс в имени великана в нартовском эпосе осетин – *Muk-ar-a // Nok-ar* – не беремся судить.

Другой пример использования суффикса *-ar* в апеллятивной лексике осетинского языка Э. А. Грантовский видит в слове *ældar* ‘господин; князь’. Отклонив все существующие этимологии данного слова, российский иранист предложил видеть в корне *æld-* (из более ранней формы **ærd-*) древнеиранское **arz-* (> **ard-*), ср. авест. *arəzah-* ‘бой, сражение; боевой ряд’ [ГРАНТОВСКИЙ, 1970, С. 215].

Суффикс *-ar* налицо и в слове *sænar* ‘кизяк, заготовленный в виде спрессованных плиток’. Для первой части этого слова В. И. Абаевым предложена вполне убедительная этимология: ср. сакское *sani* ‘эксременты’. Говоря об оставшейся части, В. И. Абаев пишет: «Образование (-ar) не вполне ясно», и далее с сомнением возводит ее к осет. *art* ‘огонь’ [АБАЕВ, 1979, С. 68]. Однако ничто не мешает видеть в этой части интересующий нас суффикс.

Осет. (диг.) *k'oxar* ‘весло’ В. И. Абаев разлагает на *k'ox* ‘рука’ и *arm* ‘рука’ [АБАЕВ, 1958, С. 637–638]. Вполне возможно, что и в этом слове следует видеть суффикс *-ar*.

В первой части слова *k'wybar* ‘ком, комок’ Д. И. Эдельман видит др.-иран. **kaipr-* [ЭДЕЛЬМАН, 1986, С. 137]. В оставшейся без объяснения части (-ar) следует видеть интересующий нас суффикс.

Слово *tæssar* ‘поворот, склон, косой, идущий наискось’ В. И. Абаев разлагает на *tæs-sar*, где первая часть связана с глаголом *tasyn* ‘гнуться’, а вторая – это формант, встречающийся еще в слове *xussar* ‘южный склон’ [АБАЕВ, 1979, С. 281]. Данная этимология не представляется нам убедительной. Если в этом слове усматривать суффикс *-ar*, то в компоненте *tæss-* можно видеть др.-иран. **tars-*, отложившееся, например, в афганском *tərs* ‘наклонный’. Для ассимиляции *-rs- > -ss- ср. *xæssyn* ‘нести’ из иран. **karš-*, а также топоним *Qossa* рядом с топонимом *Qorsa* [ЦАГАЕВА, 1975, С. 175, 203].

Как видно из этих примеров, суффикс *-ar* отложился и в апеллятивной лексике осетинского языка, причем в большинстве случаев он при соединялся к основам исконно иранского происхождения (*xædzar*, *ældar*, *sænar*, *k'wybar*, *tæssar*) и лишь в одном случае, возможно, к основе кавказского происхождения (*k'oxar*). Это может означать, во-первых, что суффикс *-ar* – исконно иранского происхождения, во-вторых, что он был продуктивен и в кавказский период истории осетинского языка. Следовательно, мы вправе искать для суффикса *-ar* иранскую этимологию. Такая этимология существует и принадлежит она Э. А. Грантовскому.

Говоря об этимологии осетинского слова *ældar*, Э. А. Грантовский возвел суффикс *-ar* к древнеиранскому суффиксу *-āra [ГРАНТОВСКИЙ, 1970, С. 215]. В другом месте этот же ученый отметил, что древнеиран-

ский суффикс *-āra, представленный в иранских именах из древней Передней Азии, является вариантом общеиранского (и общеиндоевропейского) суффикса прилагательных *-ra, известного в иранских языках еще и в форме -ara [ГРАНТОВСКИЙ, 1970, С. 122-123, 215, 247]. Уже на индоевропейской почве суффикс *-ro- (> иран. *-ra-) встречается и в форме *-ero- [МЕЙЕ, 1938, С. 278], которая в общеиранском могла дать только рефлекс *-ara. В древнеиндийском (ведийском) языке интересующий нас суффикс также представлен несколькими вариантами, о которых Т. Я. Елизаренкова пишет: «Вся эта малая серия суффиксов с -r- в качестве опорного элемента имеет соответствующие варианты с -l-, малоупотребительные в Р[иг]В[еде] и постепенно распространяющиеся, в дальнейшем образуя самостоятельную серию: -la-, -lā-, -ala-, -āla-, -ila, -ula-, -vala-» [ЕЛИЗАРЕНКОВА, 1982, С. 152]. Следовательно, интересующие нас варианты и.-е. суффикса *-ro могли возникнуть как минимум в общеарийскую эпоху.

Как видно из данных ономастики иранских народов Передней Азии, суффикс *-āra нередко присоединялся к тем же основам, что и суффикс *-ka [ГРАНТОВСКИЙ, 1970, С. 122-123, 257]. В этой связи отметим, что совершенно аналогичное явление имеем в осетинском, где рядом с топонимом *Gæt-ar* находим антропоним *Gæt-æg* (см. выше), в котором суффикс -æg восходит к иранскому суффиксу -ka.

Для вариантов иранского суффикса -ra//-ara // -āraср. совершенно аналогичные варианты двух других иранских суффиксов: -ka// -akal// -āka и -nall// -anall// -āna. Уже на индоевропейской почве суффикс *-no- (> иран. *-na-) встречается и в форме *-eno-/ *ono- [МЕЙЕ, 1938, С. 275-276]. Любопытно отметить, что в осетинском языке нашли отражение все три варианта двух последних триад, это, соответственно, -g(-k)// -æg// -ag и -n// -æn// -on(-an). Любопытно также, что первые члены этих триад (-g[-k], -n) в современном осетинском языке являются непродуктивными суффиксами [АБАЕВ, 1949, С. 573-574; АБАЕВ, 1958, С. 498; АБАЕВ, 1973, С. 125-126], тогда как два последних члена (-æg// -ag, -æn// -on) – продуктивными. Это дает основание предполагать наличие в осетинском языке также и рефлексов всех трех вариантов иранского суффикса -ra// -ara // -āra.

Действительно, в осетинском языке находим не только непродуктивный суффикс -ar, но и непродуктивный суффикс -r, отложившийся, например, в словах *bazyr* ‘крыло’ из иран. *bāzu-ra, *syrx* ‘красный’ из иран. *sux-ra, *swar* ‘минеральный источник’ из иран.(?) *srāwa-ra и т.д. [МИЛЛЕР, 1882, С. 111; МИЛЛЕР, 1962, С. 147; АБАЕВ, 1979, С. 179]. Особо следует отметить, что рядом с осет. *bazyr* ‘крыло’ находим *bazyg* ‘рука’, заключающее ту же иранскую основу, но оформленную суффиксом -ka:

**bāzu-ka* [АБАЕВ, 1958, С. 242]. Таким образом, перед нами еще один случай наращения суффиксов *-ra* и *-ka* на одну и ту же иранскую основу.

Для полноты соответствий необходимо, чтобы в осетинском языке были обнаружены также и следы варианта *-ara, рефлекс которого в осетинском языке мог иметь только форму *-ær*. Наши ожидания оправдываются и на этот раз: непродуктивный суффикс *-ær* впервые выделен В. Ф. Миллером [МИЛЛЕР, 1882, С. 112]. Правда В. И. Абаев не решился последовать за В. Ф. Миллером, а в тех случаях, когда этот суффикс явно напрашивался на роль самостоятельного аффикса, ограничивался следующими замечаниями: «формант *-ær* не известен» [АБАЕВ, 1958, С. 630], «суффикс *-ær* в осетинском не распознается» [АБАЕВ, 1989, С. 231]. Однако, как мы пытались показать в одной из наших работ, этот суффикс четко распознается и в апеллятивной (*æxsævæg*, *k'æbæg*, *k'æsæg*) и в ономастической лексике (*Gul-ær*, *K'ox-ær-y byn*, *Lwar* [*<*Raw-ær*], *Mul-ær*, *Twar* [*<*Taw-ær*], *Sos-ær-an*) осетинского языка [Дзиццойты, 1997, С. 123-124].

Таким образом, в осетинском языке нашли отражение все три триады указанных выше иранских суффиксов, причем, рефлексы первой триады – *-ra/-ara/-āra* являются непродуктивными. Исходя из сказанного, можно прийти к закономерному выводу о том, что и основа топонима *K'wydar* является иранской. Но прежде чем перейти к обоснованию этой догадки необходимо ответить еще на один вопрос. Выше отмечалось, что иранская триада суффиксов *-ra/-ara/-āra* нашла отражение в антропонимии иранских народов. Но, поскольку в данной работе нас интересует совершенно другой разряд ономастики, следует выяснить, не использовалась ли данная триада суффиксов для образования топонимов? К счастью, и на этот вопрос мы можем дать положительный ответ. Рассмотрим несколько примеров.

Область *Skudra* на западе Скифии, известная нам из древнеперсидских надписей, по мнению О. Семерены (см. ниже), содержит интересующий нас суффикс *-ra*.

С другой стороны, древнерусское областное и племенное название *Северъ* этимологизируют на базе скифо-сарматских наречий как образование от апеллятива **s(y)āva-* ‘черный’ [ТОПОРОВ, ТРУБАЧЕВ, 1962, С. 226] с помощью суффикса *-ерь*, отражающего интересующий нас иранский суффикс *-ra* [ОРЕЛ, ОСИПОВА, 1989, С. 146].

Гидроним *Тускорь // Тускарь // Тускар* в Верхнем Поднепровье предположительно выводят «из иран. **tusk-* ‘пустой’, распространенного суффиксом *-ara*» [ТОПОРОВ, ТРУБАЧЕВ, 1962, С. 227]³⁰.

³⁰ В компоненте **tusk-* можно видеть и другое слово – этимон современного осетинского *tysk'a* | *tusk'a* ‘кабан’.

Этот же суффикс можно видеть в ряде других гидронимов из Верхнего Поднепровья, этимология которых считается невыясненной. Так, гидронимы *Харабра* // *Харабрь* (приток Сейма) и *Хоробра* // *Хоробра* // *Храбра* (приток Роси, приток Днепра), в целом считаются неясными, однако компонент *хар* // *хор* предположительно связывается с иранским *har* ‘течь’ [ТОПОРОВ, ТРУБАЧЕВ, 1962, С. 227, 228]. Если так, то перед нами иранский композит **har-āra-* ‘текущая вода’, осложненный интересующим нас суффиксом *-ra*. Рассматриваемый гидроним известен и без этого суффикса – это гидроним *Херобий* (**har-āra-*) в Древнем Закавказье, в пределах страны колхов (по Псевдо-Скилаку Кариандскому) [Дзиццойты, 2003, С. 194–195].

Один из притоков Дуная, по Геродоту (IV, 48), носил название *Napar-is*, которое, по мнению В. И. Георгиева, было скифским. Этимологически оно связано с авестийским словом *narta-* ‘влажный’ (из индоевропейского **sneP-*) [ГЕОРГИЕВ, 1958, С. 255]. Если отбросить еще и греческий суффикс *-is*, то оставшийся элемент *-ar* можно связать с интересующим нас топоформантом: иран. **hnap-ara* > скиф. **nap-ar*.

В европейской части России известны гидронимы *Уда*, *Уды*, *Удыч*, *Удра*, связанные по происхождению с иранской (скифской) основой **auda-* : *uda-* ‘родник, источник; вода’ [ГЕОРГИЕВ, 1958, С. 260; Дзиццойты, 2003, С. 199–200]. Компонент *-ra* в последнем из них является интересующим нас суффиксом.

Топоформант *-ar* можно обнаружить и в топонимии Алании. Так, в названии округа *Cadaar(i)* в Западной Алании, откуда выводят свой род предки грузинской фамилии Церетели, скрывается осетинский апеллятив *cad* ‘озеро’ [КУЗНЕЦОВ, 1992, С. 191], осложненный суффиксом *-aar* (= *-ār?*).

Подведем итоги. Как показал анализ осетинской апеллятивной и ономастической лексики, в осетинском языке четко прослеживаются следы суффикса *-r//-āer//-ar*, восходящего к иранскому суффиксу прилагательных *-ra//-ara//-āra*. Для нашей темы особенно важно, что следы этого суффикса обнаружены в топонимии и гидронимии Скифии и Алании. Во всех случаях употребления данного суффикса в топонимии производящая основа имеет четкую иранскую этимологию. Отсюда следует, что и основа топонима *K'wyd-ar* может иметь иранское происхождение. О ее значении можно составить предварительное представление. Для этого следует учесть тот факт, что в тех случаях, когда осетинский топоним, содержащий суффикс *-ar*, является этимологически прозрачным, его производящая основа чаще всего оказывается либо именем собственным (*Gætar*), либо основой фамильного имени (*Kolar*, *Mælgar* и пр.), и означает

«место проживания (данной фамильной группы)». Следовательно, близкое значение может иметь и основа топонима *K'wydar*, и означать нечто вроде «Кудово», т.е. «место проживания Кудов». Но кто такие «Куды»?

Рядом с перечисленной группой отфамильных топонимов находим форму множественного числа: *Kolar – Kolotæ, Maelgar – Mærgitæ* и пр. Последние члены перечисленных пар и являлись названиями наследников тех территорий, которые обозначены первыми членами этих же пар. Отсюда видно, что в прошлом могла существовать еще одна аналогичная пара: *K'wydar – *K'wydatae*, где второй член пары и был названием той группы, которая проживала в области *K'wydar*. В связи с этим наше внимание обращает на себя фамильное имя(?)*K'wydatae* «Кудаевы», встретившееся только в одной из осетинских песен [ИАС, II, С. 612]. Однако отсутствие в словаре осетинских фамильных имен фамилии *K'wydatae* [ГАГЛОЕВА, 1990] свидетельствует в пользу того, что перед нами скорее всего патронимия, образованная сравнительно недавно от имени собственного **K'wyda*. Следовательно, даже если этот антропоним и связан с рассматриваемым топонимом, то только по происхождению корня, но не непосредственно. Иными словами, топоним *K'wydar* не может быть производным от антропонима **K'wyda* и не может означать «место жительства Куда (и его семьи)». Отфамильные топонимы с суффиксом *-ar*, как правило, являются ойконимами. Топоним *K'wydar* же является названием и ущелья, и всей Южной Осетии. Следовательно, в его основе должно лежать название коллектива, являющегося более значительной частью общества, нежели патронимия или даже фамилия (род). Таким коллективом мог быть этнос или какая-то его часть и, следовательно, в рассматриваемом топониме скрывается ныне утраченный этноним. Эта догадка находит подтверждение в рассматривавшемся выше «этнониме» *кудем*.

Нет сомнения, что топоним **K'udeti*, ошибочно воспринятый автором «Армянской географии» в качестве этнонаима, прошел через грузинское посредство. Компонент *-et-i* является широко распространенным по всей Грузии топоформантом, образующим и микро- и макротопонимию. В микротопонимах, образованных с помощью этого форманта, производящая основа может быть и основой фамильного имени, и именем собственным. Но в названиях сравнительно крупных географических регионов, каковым, согласно «Армянской географии», была и область **K'udeti*, а особенно регионов, населенных отличным от грузин этносом, производящая основа в подавляющем большинстве случаев бывает этнонимом. Ср. груз. *Somxeti* ‘Армения’ от *somexi* ‘армянин’, *Oseti* ‘Осетия’ от *osi* ‘осетин’ и т.д. Следовательно, и топоним **K'udeti* мог быть образован от этнонаима **k'ud-* и означать «(страна или область,) населенная кудами».

Таким образом, осетинский суффикс *-ar* и грузинский суффикс *-et-i* оказываются синонимами и допускают совершенно одинаковое толкование топонима *K'wydar*. Отсюда следует, что грузины, будучи соседями древних южных осетин, восприняв осетинское название территории, занимаемой южными осетинами (*K'wydar*), и зная о значении тогда еще продуктивного суффикса *-ar*, заменили его на свой, функционально тождественный топоформант (*K'wydar > *K'udeit*), как это произошло позднее, например, с топонимом *Афганистан*, принявшим в грузинском языке форму *Avğan-et-i*. Следовательно, в основе топонима *K'wydar* действительно следует искать этноним. Какой именно?

Для того чтобы избежать случайных и натянутых сопоставлений, необходимо восстановить этимон, не противоречащий нормам исторической фонетики осетинского языка.

5. Инициальная *k'*- в осетинском языке

Если топоним *K'wydar* действительно исконно осетинского происхождения, то в его фонетическом облике наиболее трудным для объяснения оказывается инициальная фонема *k'*- . Что касается остальных фонем основы *K'wyd-* (этимологии суффикса мы уже не касаемся), то в их исторической интерпретации нет никаких проблем, и мы начнем именно с них.

Гласная *у*, перед которой смычна лабиализуется, по общему мнению специалистов, восходит к староосетинской фонеме *у* и совпадает с дигорской *и*, которая в свою очередь восходит к иранской **i*. Дигорский диалект в данном случае сохранил архаичную черту аланско-го языка. Следовательно, дигорская форма анализируемого топонима – *K'udar* – совпадает с аланской формой.

Осетинская фонема *d* восходит и к иранской **d*, и к иранской **t*, стоящей в сонорном окружении.

Остается выяснить происхождение инициальной фонемы.

В иранских языках нет абруптивных фонем *k'*, *p'*, *t'*, *c'*, *č'*. Их наличие в современном осетинском языке объясняют влиянием со стороны соседних кавказских языков [Миллер, 1882, С. 68-71; Thordarson, 1989, Р. 462]. Первоначально абруптивы встречались исключительно в составе заимствованных слов, однако со временем проникли и в исконно иранскую часть осетинского словаря, особенно в слова, имеющие экспрессивное значение [Абаев, 1949, С. 522-524]. В каждом исконно осетинском слове, содержащем абруптивную фонему, последняя требует специального объяснения, как требует объяснения и фонема *k'* в основе *K'wyd-*.

Установлено, что в исконно иранской части осетинского словаря фонема *k'* появилась на месте иранской **k* в следующих случаях:

а) если слово имеет экспрессивный [АБАЕВ, 1949, С. 522-524], в том числе уменьшительно-ласкательный характер;

б) если иранской **k* предшествует иранская **s* (т.е. иран. **sk* > осет. *sk'*) [МИЛЛЕР, 1882, С. 71; МИЛЛЕР, 1962, С. 52; АБАЕВ, 1949, С. 524; BIELMEIER, 1977, S. 35-36; ЭДЕЛЬМАН, 1986, С. 137; THORDARSON, 1989, Р. 462];

в) наконец, отмечены случаи, когда иранская **k*, стоящая в сонорном окружении, в аланском языке закономерно перешла в **g*, а эта последняя, в свою очередь, по неясным пока причинам эволюционировала в абруптив *k'*.

Какой из этих вариантов развития следует предположить в рассматриваемом топониме? Первый вариант развития следует исключить сразу, так как топоним *K'wydar* не имеет экспрессивного значения.

Что касается последней возможности (через этап аланской **g*), то и ее придется исключить по следующей причине. Во-первых, этот вариант эволюции иранской **k* носил спорадический характер. Во-вторых, там, где он имел место, мы часто находим параллельное употребление двух форм, одна из которых имеет согласную *g*, а другая – *k'*. Это свидетельствует об относительно молодом возрасте рассматриваемого перехода:ср., например, осет. *sydžyt* // *sigit*, *sik'it* ‘земля’ из иран. **sikita-* [АБАЕВ, 1979, С. 187].

Но и в тех случаях, когда возобладал переход **g* > *k'*, мы можем утверждать, что фонема *k'* появилась в соответствующих словах сравнительно недавно. Так, осетинское *därk'* ‘телка; годовалый козленок’ (из иран. **dāraka-*) отложилось в сванском языке в виде *darg* [АБАЕВ, 1958, С. 358, 655], что указывает на алансскую форму **därg* или **därg*. С осетинским *dzæk'æn* ‘кизяк’ (из иран. **sakana-*) связано балкарское *sägän* ‘кизяк’ [АБАЕВ, 1958, С. 392], что указывает на алансскую форму **sägän*. Осетинское *sundak'æ* ‘шерстяная нить’ образовано от *sun-tagæ* [АБАЕВ, 1979, С. 169], второй компонент которого находится в свободном употреблении в форме *tagæ*. Кроме того, последнее слово в аланское время заимствовано в абазинский язык, где находим слово *šändag* ‘толстая нитка (льняная, пеньковая, шерстяная)’.

Таким образом, переход аланс. **g* > осет. *k'* произошел слишком поздно, и топоним *K'wydar*, зафиксированный в «Армянской географии» VII в. н.э. в форме *Kowdēt̄k*, не может восходить к праформе **Gudar*.

Остается возможность возведения инициальной *k'*- к иранской группе **sk*- . Такая возможность вполне реальна, особенно если учесть, что в инициальной группе *sk*- сибилянт иногда утрачивается.

Развитие иран. **sk-* > осет. *k'*- впервые описано В. И. Абаевым на двух примерах. Осетинские слова *č'il* // *k'elæ* ‘обод; край’, ‘задняя часть ноги’ и *sč'il* // *sk'elæ* ‘складка; пятка’ по мнению В. И. Абаева, этимологически связаны между собой, отражая иранский архетип **skairyā-* [АБАЕВ, 1958, С. 632-633; АБАЕВ, 1979, С. 124-125].

Второй пример, по мнению В. И. Абаева, менее очевиден. Осетинское (иронское) *č'ityn*, *č'icun* ‘очнуться, приходить в сознание’ неотделимо от осетинского (дигорского) *æsk'etun* с тем же значением, но при этом иронская форма возводится к иранскому прототипу **kaiθ-*, а дигорская к **us-kaiθ-* [АБАЕВ, 1958, С. 634]. Но в этом случае абруптивная фонема иронской формы остается необъясненной. Правильнее было бы исходить из единого для обоих диалектов иранского прототипа **us-kaiθ-*, допустив для иронской формы утрату сибилянта.

Еще два примера, иллюстрирующих развитие **sk-* > осет. *k'*-, относятся к числу заимствованной лексики. Слово *k'abaz* ‘конечность; ветвь, ответвление’, по мнению Г. Бейли, связано с греческим *skapos*, латинским *scopa* ‘небольшая ветка’ [BAILEY, 1980, Р. 242]. Слово *k'ardiw* ‘обрыв’, по мнению В. И. Абаева, связано с литовским *skardis* ‘обрыв, обрывистый берег’ [АБАЕВ, 1995₂, С. 17].

Как мы пытались показать в одной из наших работ, примеры на интересующую нас фонетическую эволюцию этим не ограничиваются.

Слово *k'wymbil* ‘шерсть очищенная’ (противопоставляется неочищенной, которая называется *qwyn*) не получило удовлетворительной этимологии [АБАЕВ, 1958, С. 649]. Мы предлагаем видеть в компоненте *-il* суффикс, о котором см. [АБАЕВ, 1965, С. 80-81; BIELMEIER, 1977, S. 47]. Оставшуюся часть *k'wymb-* следует связать с иранской глагольной основой **skumb-*, рефлексы которой представлены в восточноиранских языках, с наращением приставки **ava-* или **vi-*, в значении ‘разбирать шерсть руками, теребить’, ‘взбивать шерсть лучком’: шугнанское *wixkamb-*, рушанское *ħikamb-*, хуфское *ħikam-*, язгулямское *ħ'am(b)-*, ишкашимское *iškymb-* [ЭДЕЛЬМАН, 1987, С. 265, 278; ЭДЕЛЬМАН, 1990, С. 96, 100].

Глагол *č'err* (*kæpyn*) ‘отрезать, отсекать, отрубать; резать’ (старая форма – **k'epp*) также не получил удовлетворительной этимологии. В. И. Абаев считает его образованием на звукоподражательной основе [АБАЕВ, 1949, С. 523], а О. Г. Тедеева пытается связать с грузинским *k'er'-va* ‘отрезать, вырубать’ [ТЕДЕЕВА, 1983, С. 189]. Поскольку, однако, грузинское слово само могло быть усвоено из осетинского, нам представляется возможным связать староосетинское **k'epp* с древнеиранским **skaip-*, рефлексы которого в различных иранских языках означают ‘рвать’, ‘трескаться’ и пр.

Таким образом, историческая фонетика осетинского языка позволяет реконструировать этимон основы *K'wyd-* в двух формах: либо **skuda-*, либо **skuta-*. Поскольку из предыдущего анализа нам также известно, что данная основа могла быть этнонимом, наше внимание сразу же обращается к самоназванию скифов, реконструированному в виде **skuda-(ta-)*, с вариантами **škuda-(ta-)*, **skida-(ta-)*, **škida-(ta-)*. Обратимся к работам, содержащим этимологию этнонима «скиф».

6. Топоним *K'wydar* и этноним «скиф»

Реконструкция самоназвания скифов осуществлена на основе изучения форм этнонима «скиф» в различных языках древности, к числу которых относятся:

1. Ассирийский, в котором название скифов и их страны встречается в следующих формах: *aškuzai*, *askuzāi*, *ašguzi*, *asguzi* или *iškuzāi*. Эти формы могут отражать только скифское **skida-* / **škida-* ‘скиф’, на которое уже на ассирийской почве наращено протетическое *a-/i-*. Озвончение *k > g* также произошло на ассирийской почве [Дьяконов, 1956, С. 242-243; ГРАНТОВСКИЙ, 1970, С. 73, 87; Фрай, 1972, С. 106; SZEMERÉNYI, 1980, Р. 7; Витчак, 1992, С. 53].

2. Древнееврейский, в котором название скифов *aškenaz*, встречающееся в Ветхом Завете, представляет собой результат неточного прочтения этнонима *'škwz* (**aškuz*) при переписке, так как знаки для *w* и *n* в еврейском письме похожи. Еврейское *'škwz* (**aškuz*) также восходит к самоназванию скифов **škida-* [Дьяконов, 1956, С. 242, 243, 246; SZEMERÉNYI, 1980, Р. 7; Витчак, 1992, С. 53].

3. Древнегреческий, в котором этноним *Σκύθαι* ‘скифы’ также отражает скифскую форму *škida-*. В период заимствования этого этнонима в греческом языке не было звонкого межзубного спиранта *δ*, наличие которого в самоназвании скифов несомненно, поэтому он был заменен на имевшийся в греческом языке соответствующий глухой межзубный спирант *θ*. По этой же причине скифское название реки *Дон* (**Δān*) в греческий язык вошло в форме *Tavaīç*. Из греческого языка название скифов литературным путем заимствовано во все европейские языки, включая русское *скиф* [Дьяконов, 1956, С. 243; SZEMERÉNYI, 1980, Р. 16-17; Витчак, 1992, С. 53]³¹.

³¹ Этимологию др. греч. *Σκύθαι* О. Семерены предложил в 1947 г. в работе, написанной на венгерском языке, и повторил в 1951 г. на английском языке [SZEMERÉNYI, 1980, Р. 17, прим. 35]. Позже независимо от него к реконструкции **skida-* / **škida-* пришел И. М. Дьяконов.

4. Сколотский диалект скифского языка, в котором, согласно свидетельству Геродота (IV, 6), самоназвание скифов звучало *Σκόλοτοι*, и было производным якобы от имени царя. И хотя Геродот не привел имени этого царя, в другом месте его сочинения (IV, 76 и 78-80) упоминается царь скифов по имени *Σκύλης*, что позволило предположить, что у Геродота или его информанта речь шла именно о нем. Однако ныне установлено, что не этноним *сколоты* является производным от имени *Скулес*, а наоборот – имя царя восходит к той же основе, что и соответствующий этноним, а именно: скифская диалектная форма самоназвания скифов – **skula-ta-* (или **škula-ta-*), отражающая переход *-d-* (-δ-) > *l*, характерный для диалекта господствовавшего в Скифии племени, а также для ряда восточноиранских языков. В конечном *тои* скрывается показатель множественного числа в скифском и некоторых других восточноиранских языках. Следовательно, зафиксированная Геродотом форма **skula-ta-* предполагает более старую общескифскую форму **skuda-ta-* [Дьяконов, 1956, С. 243; Дьяконов, 1981, С. 99; Грантовский, 1960, С. 20; Грантовский, 1970, С. 89-90, 175; SZEMERÉNYI, 1980, Р. 21-22; CORNILLOT, 1981; Раевский, 1985, С. 216; Дудко, 1988, С. 169; Витчак, 1992, С. 52-53].

Учитывая, что этноним «сколоты» получил в научной литературе различные этимологические интерпретации, позволим себе несколько подробнее задержаться на переходе *d* > *l* в части скифских диалектов.

Ярким свидетельством данного перехода является слово *Паралатай*, которое, согласно Геродоту (IV, 6), было названием царствующей скифской династии. Это слово уже давно сопоставлено с авестийским *paradāta-* – названием древнейших царей, буквально означающим ‘предустановленные’ [Миллер, 1887, С. 127; Абаев, 1949, С. 175-176]. Однако имеющаяся в слове *Паралатай* греческая буква *Λ* не является искажением буквы *Δ*, как полагал В. Ф. Миллер [там же], а свидетельствует об указанном фонетическом явлении [Грантовский, 1970, С. 90; SZEMERÉNYI, 1980, Р. 22; Раевский, 1977, С. 67; Раевский, 1985, С. 216; Витчак, 1992, С. 52].

Интересующий нас переход иллюстрируется и другими примерами. Так, имя скифского царя *Skolopitus* (скифс. **Skula-pitā*) в первой части содержит этноним «скиф» и означает либо ‘отец скифов’ [Грантовский, 1970, С. 90; SZEMERÉNYI, 1980, Р. 22; Раевский, 1985, С. 216], либо – ‘чей отец скиф’ [Боголюбов, 1987, С. 36]. Имя скифского царя *Палакос* (скифс. **Pälak(a)*) возводится к **Pādaka*, а эта форма находит параллель в скифском имени из Ольвии – *Падаюс*, а также в среднеперсидском имени *Pādāy* (от *pād* ‘нога’) [Грантовский, 1970, С. 175]. Имя скифского царя

Σαύλιος восходит к общеиранскому **saudya-* ‘(Ритуально) Чистый’ [Кулланда, Раевский, 2004, С. 93]³².

С учетом рассматриваемого перехода удовлетворительную иранскую этимологию находят и две скифские глоссы у Гесихия. Скифское *maluwyat* ‘напиток, приготовленный на меду’ возводится к иранскому **madu-* ‘мёд’ + суффикс -*wya-* [Витчак, 1992, С. 53, 58], а скифское *maglú* ‘лебедь’ – к иранскому **madgu-* (ср. новоперсидское *maγ* ‘водоплавающая птица’, санскритское *madgí* то же) [Витчак, 1992, С. 53; ср. CHRISTOL, 1989, Р. 16]³³.

Сравните еще название кельтского племени галатов (*Galatai*), упоминаемого по соседству с сарматами, которое, по мнению А. Кристоля, восходит к скифскому **gada-ta*, где *ta* – показатель множественного числа в скифском, а основа **gada-* этимологически родственна либо авестийскому *gabā* ‘дубина, палица’ (следовательно, галаты – «носители дубин»?), либо – авестийскому *gada* ‘разбойник, грабитель’ [CHRISTOL, 1989, Р. 19].

Таким образом, зафиксированная Геродотом форма **skula-ta-* действительно является скифским диалектным вариантом общего для скифов самоназвания **skuda-ta-*. К диалектной форме **skula-ta-*, возможно, восходит и название народа *Kulūtāh* в древнеиндийском языке [MAYRHOFER, 1953, S. 241].

5. Древнеперсидский, в котором Западная Скифия и ее жители известны под названием *Skudra*. Этот топоним В. Томашек еще в 1883 г. сопоставил с этнонимом *Σκόλοτοι*, не задержавшись подробно на фонетической стороне вопроса [TOMASCHEK, 1883, S. 227]. Несмотря на данное сопоставление, топоним *Skudra* долгое время считался названием персид-

³² Правильно отметив наличие в именах скифских царей фонемы *l*, восходящей к общеиранской **d*, С. В. Кулланда и Д. С. Раевский необоснованно распространяли это явление на скифский язык в целом. При этом они исключают возможность наличия в скифском языке фонемы *d*, восходящей к иранской **d* [Кулланда, Раевский, 2004, С. 91, 94]. Однако если выйти за рамки антропонимического материала, то можно найти достаточно большое количество фактов, опровергающих данный тезис. Я имею в виду скифские гидронимы *Днепр* и *Днестр*, а также определенно скифский топоним *Скудра* (см. ниже) и многое другое. Следовательно, прав был Э. А. Грантовский, приписывавший *l < *d* только сколотскому диалекту скифского языка.

³³ Предок осетинского не входил в число тех диалектов, в которых имелось *l*, развившееся из **d*. Ср., однако, осет. *maelq* | *malq* ‘павлин(?)’, считающееся вариацией к слову *marğ* ‘птица’ [АБАЕВ, 1973, С. 89]. Не проще ли видеть здесь заимствование из незасвидетельствованного сколотско-скифского **malgu-* ‘лебедь’, являющегося переходной ступенью между засвидетельствованной формой *maglú* и древнеиранской **madgu-*?

ской провинции Фракии и Македонии [KENT, 1950, Р. 210]. И лишь в 1980 г. О. Семерены удалось доказать, что топоним *Skudra* состоит из самоназвания скифов *skuda-* и суффикса *-ra*, о котором подробно говорилось выше [SZEMERÉNYI, 1980, PP. 21, 23-26].

Топоним *Skudra* особенно важен для нашего анализа, так как он содержит оба компонента, отложившихся в топониме *K'wydar*. Единственное их отличие состоит в том, что в осетинском топониме суффикс *-ra* представлен в виде варианта *-āra*, и, стало быть, отражает этимон **Skudāra*.

Таким образом, анализ, основанный на строгом учете данных исторической фонетики и исторической морфологии осетинского языка, привел нас к выводу, что осетинский топоним *K'wydar* (староосетинский **Skudāra*), как и скифский топоним *Skudra*, в буквальном переводе со скифского означает «Скифская (область/земля)».

По аналогии со скифским языком, где рядом с топонимом *Skud-ra*, обозначающим территорию, населенную скифами, существовало название самих скифов – **skuda-ta-*, можно предположить, что рядом с осетинским *K'wydar* в прошлом существовало племенное название **k'wydatae* ‘скифы’. Об этом же свидетельствует сопоставление перечисленных выше отфамильных топонимов Осетии, содержащих суффикс *-ar*, с соответствующими фамильными именами, исходящими на *-tae*. Традиция называть занимаемую территорию словом, являющимся производным от самоназвание патронимии, рода или племени, заложенная скифами еще на их прародине, активно развивалась скифо-сарматскими племенами и на Кавказе вплоть до недавнего времени.

7. Топоним *K'wydar* и вопросы этнической истории Южной Осетии

Как видно из проведенного нами анализа, отдаленными предками южных осетин были скифы, а не сарматы или другие восточноиранские племена. Можно ли подтвердить этот вывод какими-либо другими данными? И если да, то почему этоним «скиф» не удержался в осетинском языке рядом с его дериватом *K'wydar* «Скифия»?

В 1990 г., когда мы впервые изложили наши тезисы по этимологии топонима *K'wydar*, нам была ясна связь между нашей этимологией и одной весьма любопытной фонетической особенностью кударского диалекта. В противоположность всем остальным говорам и диалектам осетинского языка, являющимся цокающими, кударский, судя по письменным

памятникам, был до конца XIX в. чокающим и лишь в начале прошлого столетия в результате спирантизации шипящих аффрикат стал шокающим.

Старокударские *č*, *dž*, противостоящие общеосетинским *c*, *dz*, некоторые ученые пытались представить в качестве рефлексов этих последних фонем. Однако, учитывая, что в общеиранском языке-основе даже в эпоху, непосредственно предшествовавшую его распаду на восточную и западную ветви, имелись только шипящие аффрикаты, но не было соответствующих свистящих аффрикат, уже давно высказывалось мнение о возможной связи старокударских *č*, *dž* непосредственно с древнеиранскими **č*, **dž* [HARMATTA, 1970, Р. 75-76]. Учитывая, что только в восточноиранском языковом ареале непосредственно перед его распадом на северную и южную подгруппы (или даже после его распада) появилась изоглосса *c* | *dz*, охватившая далеко не все языки восточноиранской подгруппы, учитывая также, что все осетинские диалекты, кроме кударского, участвуют в изоглоссе *c* | *dz*, необходимо сделать вывод, что разрыв между протокударским, с одной стороны, иprotoиронским и протодигорским – с другой, мог произойти еще на исторической родине восточноиранских племен.

Исходя из данных лингвистической географии, следует предположить, что изоглосса *c* | *dz*, будучи инновацией, затронула лишь центр ареала, тогда как периферия сохранила архаизм (*č*, *dž*). Учитывая, что из всех мыслимых предков осетин в эпоху после распада восточноиранской ветви на северную и южную подгруппы только сармато-массагетские племена продолжали контактировать с остальными иранскими языками восточной группы, а скифские наречия оказались далеко на окраине этого ареала, следует заключить, что именно сарматские и массагетские племена, наряду с предками хорезмийцев, саков, афганцев, шугнанцев, рушанцев, бартангцев, орошорцев, сарыкольцев, ваханцев, сангличей и ишкамшымцев, выработали изоглоссу *c* | *dz*. Следовательно, предков осетин-иранцев и осетин-дигорцев следует искать среди сармато-массагетских племен. Скифские наречия, с одной стороны, и предки согдийского (и связанного с ним ягнобского), мунджанского (и связанного с ним йидга) и язгулямского языков – с другой, оказавшись на двух противоположных окраинах восточноиранского ареала, не приняли участия в этой изоглоссе. Следовательно, предок кударского диалекта может быть связан только с киммеро-скифскими, но не сармато-массагетскими племенами.

В упомянутой статье мы лишь оговорили возможность такой интерпретации рассматриваемой фонетической особенности кударского диалекта, но не дали развернутого изложения нашей концепции, обещая вер-

нуться к этому вопросу в другой публикации [Дзиццойты, 1990, С. 87]. К сожалению, военная агрессия Грузии против Южной Осетии (1991-1992 гг.) не позволила нам выполнить свое обещание в кратчайшие сроки. Лишь в 1994 г. нам удалось опубликовать тезисы [Дзиццойты, 1994, С. 58-59], а в 1998 г. развернутую версию нашей концепции [Дзиццойты, 1998₂, С. 181-197]. В период между выходом этих публикаций появилась статья выдающегося ираниста И. Гершевича, выводы которой полностью совпали с нашими.

Признавая кударские *č*, *dž* прямыми рефлексами соответствующих иранских фонем и учитывая, что между кударским, с одной стороны, и иронским и дигорским диалектами осетинского языка – с другой, нет более существенных расхождений в области фонетики, английский иранист обратил внимание на сообщение Геродота (IV, 117) о том, что сарматы говорят на том же скифском языке, но издавна с ошибками. Поскольку данная оценка восходит к самим скифам, а народная оценка диалектно-говорных различий базируется, как правило, на расхождениях в области фонетики (а не грамматики и лексики), то следует предположить, что в языке сарматов появилась какая-то фонетическая инновация, воспринимавшаяся их скифскими сородичами в качестве ошибочного произношения. Такой инновацией и могло быть сарматское цоканье.

Кроме того, английский иранист обратил внимание на следующее. Глагол *ći-* ‘идти’ в курдском языке по форме ближе к современному кударскому *ći* ‘иди’, нежели к своему предполагаемому мидийскому прототипу **šui-*. Форма курдского глагола всегда вызывала вопросы у исследователей, удовлетворительного ответа на которые до сих пор не существует. Высказав догадку о том, что появление курдской формы может быть результатом скифского влияния на протокурдский в эпоху скифских походов в Переднюю Азию (VII в. до н.э.), И. Гершевич приходит к заключению, что скифы, как и осетины-кударцы, говорили на чокающем наречии. Исходя из этого, кударский диалект признан потомком скифского, а иронский – сарматского [GERSHEVITCH, 1992, PP. 165-173; см. статью И. Гершевича в данном томе, С. 32-49].

Об оседании скифов в горах Центрального Кавказа и в частности на территории Южной Осетии свидетельствуют археологические данные [ТЕХОВ, 1980]. На карте скифских археологических памятников Закавказья (VII-VI вв. до н.э.), составленной М. Н. Погребовой, территория Южной Осетии вплоть до реки Куры на юге и до реки Арагвы на востоке, а также территория современной грузинской провинции Рача, примыкающая к Южной Осетии на западе, обозначены как «зона наиболее интенсивного распространения элементов скифской материальной культуры» [ПОГРЕБОВА, 1984, С. 43].

Об этом же говорят сведения античного географа Страбона (I в. до н.э.), неоднократно комментировавшиеся в научной литературе. Описывая современную ему Иберию, Страбон (XI, 3, 3) сообщает: «Горную страну (т.е. горную часть Иберии. – Ю.Д.), напротив, занимают простолюдины и воины, живущие по обычаям скотов и сарматов, соседями и родственниками которых они являются». Южная Осетия, как и горная часть современной Восточной Грузии входила в состав горной Иберии.

Таким образом, основу этногенеза южных осетин-кударцев заложили скитские племена *škuda*- // *skuda*- в VII в. до н.э. Именно они и назвали свою страну «Скифской (землей/областью)» – **Skudāra* (>*K'wydar*). Это название первоначально прилагалось ко всей территории поселения скотов на Центральном Кавказе, и в этом значении бытует и в наше время у северных осетин. Но впоследствии исконно скитское население Южной Осетии смешалось с переселившимися с Северного Кавказа племенами сармато-аланского (и массагетского?) круга. Такого рода переселения происходили перманентно, но основных волн, как нам представляется, было две.

В результате смешения скотов с каким-то сарматским племенем скитский язык Южной Осетии сблизился и с иронским, и с дигорским диалектом, удержав некоторые важные черты своей фонетики, морфологии и лексики.

Одним из важных результатов этого смешения была и смена самоназвания древних скотов – вместо автоэтнонима **skuda-tä* ‘скиф(ы)’ стал употребляться этноним *twal(tæ)* ‘туал(ы), туальцы’. Следовательно, туальцы и были одним из сармато-аланских или массагетских племен, переселившихся в древности на территорию Южной Осетии. Наиболее значительная волна переселенцев, принесших с собой новое самоназвание, могла появиться в Южной Осетии в IV-III вв. до н.э. в связи с вторжением сарматов как в европейскую Скифию, так и на Северный Кавказ³⁴.

В результате этого же переселения и последовавших процессов смешения племен топоним «Скифия» (*K'wydar*) в самой Южной Осе-

³⁴ Следы вышедшего из употребления самоназвания скотов можно усмотреть в названии населенного пункта *K'udoti* в Цкалтубском районе Имеретии (Западная Грузия), (об этом ойкониме см. [Топонимика, 1980, С. 107]). Если наша догадка верна, то обращает на себя внимание передача кударского *a*-долгого в виде *o* в грузинском. Осетинское *a* очень глубокое, но в квайсинском говоре кударского диалекта, основной ареал распространения которого – Кударское ущелье, оно особенно глубокое, приближенное к *o*. В связи с этим следует отметить, что и этноним *as*, проникший в древнегрузинский язык, очевидно через посредство древнекударского, принял в грузинском форму *ovsi//osi*. Следовательно, древние жители селения *K'udoti* (<**k'udatæ*) могли быть скитами-кударцами, выселившимися из Южной Осетии.

тии удержался лишь в одном ущелье, очевидно, по той причине, что именно здесь скифы сумели сохранить свои позиции, сопротивляясь ассимиляции с сарматами. Именно эту картину застает в Южной Осетии автор «Армянской географии» или его грузинский информант, а также – Вахушти Багратиони. Разница в том, что за прошедшие тысячу лет жители Кударского ущелья в языковом и этническом плане полностью сблизились с туальцами, поэтому Вахушти знает в Кударском ущелье только туальцев.

Из сказанного вытекает также, что этноним *twal* не был исконным самоназванием средневековых жителей Южной Осетии, как это представляется современным исследователям, опирающимся исключительно на данные письменных источников. Не был он и кавказским по происхождению, иначе отличительная черта кударского диалекта заключалась бы в наличии в нем «кавказского суперстрата». Туальцы до их переселения в Южную Осетию были иранским племенем (сарматского или массагетского круга), как об этом свидетельствует и индоевропейская (иранская) этимология этнонима *twal* [ПАХАЛИНА, 2002, С. 103–105]. После переселения они стали господствующим племенем в Южной Осетии, перенявшим у предшествующего скифского населения некоторые черты их речи, не утраченные и современными носителями кударского диалекта.

В XIII–XIV вв. под давлением татаро-монгольских, а затем и тимуровских орд в Южную Осетию устремилась еще одна мощная волна переселенцев с Северного Кавказа, принесшая с собой самоназвание *ir(on)*, а также иронский диалект, ставший господствующим в восточной части Южной Осетии (туальский и чисанский говоры). При этом этноним *twal* постигла та же участь, что и этноним **k'wydatae*: он сузил свою семантику и стал употребляться в значении «житель северо-востока Южной Осетии».

Таковы краткие выводы, вытекающие из этимологии топонима *K'wydar*. Учитывая недостаточную освещенность письменными источниками скифо-сарматского периода в истории Южной Осетии, наши выводы в дальнейшем могут быть скорректированы, но основной вывод, как нам представляется, не претерпит изменений: топоним *K'wydar* в архаизирующем переводе означает «Скифская (земля/область)».

Источники

- АИА, I – Армянские источники об аланах. (Документальные материалы и комментарии). Составитель сборника и автор комментариев Р. А. Габриелян. Вып. I. Ереван, 1985.
- БЕДЖЫЗАТЫ, 1958 – Беджызаты Ч. Әвзәрст уацмыстә. Сталинир, 1958.
- ИАА, III – Ирон адәмөн аргъәуттә. Т. III. Цхинвал, 1962.
- ИАС, II – Ирон адәмөн сфаәлдыстад. Т. II. Дзәуджыхъәу, 1961.
- ИТ – Ирон таурәгътә. Дзәуджыхъәу, 1989.
- КЪУБАЛТЫ, 1978 – Къубалты А. Уацмыстә. Дзәуджыхъәу.
- МАЛИТИ, 1973 – Малити Г. Ираәф. Орджоникидзе, 1973.
- МД – журн. «Мах дуг». Дзәуджыхъәу.
- НГЭ – Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 1. М., 1990.
- ПНТО, 1992 – Памятники народного творчества осетин. Владикавказ, 1992.
- ППК, I – Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Т. I. Цхинвал, 1981.
- ТУАТЫ, 1999 – Туаты И. Мæ уарzon Туалғом. Дзәуджыхъәу, 1999.
- Ф – журн. «Фидиуәг». Цхинвал.
- ХИФ, 1940 – Хуссар Ирыстоны фольклор. Сталинир, 1940.

Литература

- АБАЕВ, 1949 – Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949.
- АБАЕВ, 1958 – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.; Л., 1958.
- АБАЕВ, 1965 – Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.
- АБАЕВ, 1973 – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Л., 1973.
- АБАЕВ, 1979 – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. Л., 1979.
- АБАЕВ, 1989 – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. Л., 1989.
- АБАЕВ, 1995₁ – Абаев В. И. Избранные труды. Т. II. Владикавказ, 1995.
- АБАЕВ, 1995₂ – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Указатель. М., 1995.
- АГНАЕВ, 1959 – Агнаев А. Т. К истории осетинского народа // «Фидиуәг», № 1 (на осет. яз.).
- АГНАЕВ, 1992 (I, II) – Агнаев А. Т. Къуыдар // «Рæстдинад», ч. I, II. № 81, 82 (на осет. яз.).
- АЛБОРОВ, 1930 – Алборов Б. А. Термин «Нарт» (к вопросу о происхождении нартского эпоса) // Научное общество этнографии, языка и литературы при Горском педагогическом институте. Владикавказ, 1930.

- АЛЕМАНЬ, 2003 – Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках / Пер. с англ. М., 2003.
- АХВЛЕДИАНИ, 1960 – Ахвледиани Г. С. Сборник избранных работ по осетинскому языку. Тбилиси, 1960.
- БЕДОШВИЛИ, 1972 – Бедошвили Г. Вопросы Эрцо-Тианетской макротопонимики (на груз. яз.) // Мацне. Серия языка и литературы. Тбилиси, 1972, № 2. С. 119-126.
- БЕКОЕВ, 1985 – Бекоев Д. Г. Иронский диалект осетинского языка. Цхинвал, 1985.
- БЕНВЕНИСТ, 1995 – Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Пер. с франц. М., 1995.
- БЗАРОВ, 1987 – Бзаров Р. С. Древняя традиция в общественном строе осетин-алагирцев первой половины XIX века // Проблемы исторической этнографии осетин. Орджоникидзе, 1987. С. 11-49.
- БЗАРОВ, 1988 – Бзаров Р. С. Три осетинских общества в середине XIX века. Орджоникидзе, 1988.
- БЛИЕВ, БЗАРОВ, 2000 – Блиев М. М., Бзаров Р. С. История Осетии. Владикавказ, 2000.
- БОГОЛЮБОВ, 1987 – Боголюбов М. Н. Армазская эпитафия // Ирано-афразийские языковые контакты. М., 1987.
- ВАХУШТИ, 1904 – Вахушти Багратиони. География Грузии // Записки кавказского отдела Императорского географического общества. Книга XXIV, вып. 5. Тифлис, 1904 / Пер. с груз.
- ВАХУШТИ, 1976 – Вахушти Багратиони. История царства грузинского / Пер. с груз. Н.Т. Накашидзе. Тбилиси, 1976.
- ВИТЧАК, 1992 – Витчак К. Т. Скифский язык: опыт описания // Вопросы языкоznания, № 5.
- ВОЛКОВА, 1973 – Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.
- ГАБРИЕЛЯН, 1984 – Габриелян Р. А. Армяно-аланские отношения в древности и средние века. Ереван, 1984.
- ГАГЛОЕВА, 1990 – Гаглоева З. Д. Осетинские фамилии. Цхинвал, 1990 (на осет. яз.).
- ГАГЛОЙТИ, 1966 – Гаглойти Ю. С. Сведения «Армянской географии» VII в. об аланах // Известия Северо-Осетинского НИИ. Т. XXV (история). Орджоникидзе, 1966.
- ГАМКРЕЛИДЗЕ, ИВАНОВ, 1984 – Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. II. Тбилиси, 1984.
- ГЕОРГИЕВ, 1958 – Георгиев В. И. Исследования по сравнительно-историческому языкоznанию. М., 1958.
- ГРАНТОВСКИЙ, 1960 – Грантовский Э. А. Индоиранские касты у скифов. М., 1960 (отд. отт.).
- ГРАНТОВСКИЙ, 1970 – Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.
- ГУРИЕВ, 1963 – Гуриев Т. А. Еще раз о названиях осетин // журн. «Мах дуг», № 8 (на осет. яз.).

- Джусойты, 1995 – Джусойты Н. Г. В смене названия нет благодати // газ. «Хурзэрин», № 44, от 24. 06. 1995 г. (на осет. яз.).
- Дзаттиаты, 2002 – Дзаттиаты Р. Культура позднесредневековой Осетии. Владикавказ, 2002.
- Дзиццойты, 1990 – Дзиццойты Ю. А. Происхождение топонима Къуыдар // журн. «Фидиаэг», № 8 (на осет. яз.).
- Дзиццойты, 1994 – Дзиццойты Ю. А. Диалектология и древняя история южных осетин // Тезисы докладов на Международной научной конференции по осетиноведению, посвященной 200-летию со дня рождения А. М. Шёгрена. Владикавказ, 1994. С. 58-59.
- Дзиццойты, 1997 – Дзиццойты Ю. А. Суффиксы -ар и -эр в осетинском языке // журн. «Фидиаэг», № 6 (на осет. яз.).
- Дзиццойты, 1998₁ – Дзиццойты Ю. А. Осетинские топонимы в Гудамакарии и Мтиулетии // журн. «Фидиаэг», № 6 (на осет. яз.).
- Дзиццойты, 1998₂ – Дзиццойты Ю. А. Этногенез южных осетин по данным диалектологии // Известия Юго-Осетинского НИИ им. З. Н. Ванеева. Вып. XXXV. Цхинвал, 1998.
- Дзиццойты, 2003 – Дзиццойты Ю. А. Нартовский эпос и Амираниани. Цхинвал, 2003.
- Додыхудоев, 1975 – Додыхудоев Р. Х. Памирская микротопонимия. Душанбе, 1975.
- Дудко, 1988 – Дудко Д. М. Отражение общественного строя скифов в их мифологии: итоги изучения // «Народы Азии и Африки», № 4.
- Дьяконов, 1956 – Дьяконов И. М. История Мидии. М.; Л., 1956.
- Дьяконов, 1981 – Дьяконов И. М. К методике исследований по этнической истории («киммерийцы») // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981.
- Дюмезиль, 1986 – Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев / Пер. с франц. М., 1986.
- Дюмезиль, 1990 – Дюмезиль Ж. Скифы и нарты / Пер. с франц. М., 1990.
- Елизаренкова, 1982 – Елизаренкова Т. Я. Грамматика ведийского языка. М., 1982.
- Еремян, 1970 – Еремян С. Т. Расселение горских народов Кавказа по Птоломею и «Армянской географии» VII в. // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. 8. М., 1970. С. 400-409.
- Исаева, 1986 – Исаева З. Г. Осетинская антропонимия. Личные имена. Орджоникидзе, 1986.
- Калоев, 1971 – Калоев Б. А. Осетины (историко-этнографическое исследование). М., 1971.
- Козаев, 2000 – Козаев П. К. Аланы-арии: происхождение и древнейший период истории. Владикавказ, 2000.
- Кокиев, 1926 – Кокиев Г. А. Очерки по истории Осетии. Владикавказ, 1926.
- Кузнецов, 1992 – Кузнецов В. А. Очерки истории алан. 2-е издание, дополненное. Владикавказ, 1992.

- Кулланда, Раевский, 2004 – Кулланда С. В., Раевский Д. С. Эминак в ряду владык Скифии // Вестник древней истории. № 1, 2004. С. 79-95.
- Лавров, 1980 – Лавров Л. И. Топонимические заметки // Кавказский этнографический сборник. М., 1980.
- Мегрелидзе, 1960 – Мегрелидзе И. В. Неизвестный вариант легенды о великом потопе и некоторые сказания о вершине Брутсабдзели // Исследования по истории культуры Востока. М.; Л., 1960.
- Мейе, 1938 – Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / Пер. с франц. М.; Л., 1938.
- Миллер, 1882 – Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Часть 2. М., 1882.
- Миллер, 1887 – Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Часть 3. М., 1887.
- Миллер, 1962 – Миллер В. Ф. Язык осетин / Пер. с нем. М.; Л., 1962.
- Орел, Осипова, 1989 – Орел В. Э., Осипова М. А. (Рец. на кн.:) Етимологичний словник літописних географичних назв Південної Русі. Київ, 1985 // «Вопросы языкоznания», № 1.
- Пахалина, 2002 – Пахалина Т. Н. Скифо-осетинские этимологии // «Nartamongæ». Vol. I, № 1. Dzæwdžyqæw/Vladikavkaz; Paris, 2003. С. 101-106.
- Погребова, 1984 – Погребова М. Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984.
- Раевский, 1977 – Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.
- Раевский, 1985 – Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. М., 1985.
- Расторгуева, Эдельман, 2000 – Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. I. М., 2000.
- Тедеева, 1983 – Тедеева О. Г. Очерки по грузино-осетинским языковым взаимоотношениям. Тбилиси, 1983 (на груз. яз.).
- Техов, 1980 – Техов Б. В. Скифы и Центральный Кавказ в VII-VI вв. до н.э. М., 1980.
- Тиболов, 1988 – Тиболов А. А. Собрание сочинений. Цхинвал, 1988 (на осет. и русск. яз.).
- Топонимика, 1980 – Топонимика. Т. II. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.).
- Топоров, Трубачев, 1962 – Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
- Фрай, 1972 – Фрай Р. Наследие Ирана / Пер. с англ. М., 1972.
- Хорнаули, 1983 – Хорнаули Г. И. Горы и названия. Тбилиси, 1983 (на груз. яз.).
- Хугаев, 1966 – Хугаев В. К этимологии слова «Къуыдар» // журн. «Фидиуæг», № 2 (на осет. яз.).
- Цагаева, 1975 – Цагаева А. Д. Топонимия Северной Осетии. Ч. II. Орджоникидзе, 1975.
- Цховребова, 1979 – Цховребова З. Д. Топонимия Южной Осетии в письменных источниках. Тбилиси, 1979.
- Цховребова, 2003 – Цховребова З. Д. Ойкономия Осетии. Цхинвал, 2003.
- Чирикба, 1985 – Чирикба В. А. Баскский и северокавказские языки // Древняя Анатолия. М., 1985. С. 95-105.

- ЧОЧИЕВ, 2000 – Чочиев А. Р. Нарты-арии и арийская идеология. Т. II. М., 2000.
- ЭДЕЛЬМАН, 1986 – Эдельман Д. И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М., 1986.
- ЭДЕЛЬМАН, 1987 – Эдельман Д. И. Шугнано-рушанская языковая группа // Основы иранского языкоznания. Новоиранские языки. М., 1987.
- ЭДЕЛЬМАН, 1990 – Эдельман Д. И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология, элементы синтаксиса. М., 1990.
- BAILEY, 1980 – Bailey H. W. Ossetic (Nartä) // Traditions of Heroic and Epic Poetry. London, 1980.
- BARTHOLOMAE, 1961 – Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. Berlin, 1961.
- BIELMEIER, 1977 – Bielmeier R. Historische Untersuchung zum Erb- und Lehnwortschatzantail im ossetischen Grundwortschatz. Frankfurt am Main/Bern/Las Vegas, 1977.
- CHRISTOL, 1989 – Christol A. Des Scythes aux Ossetes. Rouenlac, 1989.
- CORNILLOT, 1981 – Cornillot F. L' origine du nom des Scythes // Indo-Iranian Journal, № 23, 1981.
- GERSHEVITCH, 1992 – Gershevitch I. Linguistic geography and historical linguistics // La posizione attuale della linguistica storica nell'ambito delle discipline linguistiche. Roma, 1992.
- HARMATTA, 1970 – Harmatta J. Studies in the History and Languages of the Sarmatians. Szeged, 1970.
- HEWSEN, 1992 – Hewsen R. N. The Geography of Ananias of Širak (Ašxarhač'oyc'). Wiesbaden, 1992 (цитирую по: Алемань, 2003).
- KENT, 1950 – Kent R. G. Old Persian. New Haven; Connecticut, 1950.
- MAYRHOFER, 1953 – Mayrhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. 1. Heidelberg, 1953.
- SZEMERÉNYI, 1980 – Szemerényi O. Four old Iranian ethnic names: Scythian-Skudra-Sogdian-Saka. Wien, 1980.
- THORDARSON, 1989 – Thordarson F. Ossetic // Compendium Linguarum Iranicarum. Wiesbaden, 1989.
- TOMASCHEK, 1883 – Tomaschek W. Zur historischen Topographie von Persien // Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu Wien. Band 102, 1883. S. 145-231.
- ZUCKERMAN, 2003 – Zuckerman C. Les Alains et les As dans le Haut Moyen Âge // «Nartamongæ». Vol. II, № 1-2. Dzæwdžyqæw/Vladikavkaz; Paris, 2003. P. 127-158.

THE ETYMOLOGY OF THE PLACE NAME
K'WYDAR 'SOUTH OSSETIA'

SUMMARY:

A satisfactory etymology of the place name *K'wydar* 'South Ossetia' does not exist so far. Before proposing a new etymology I find it important to answer some extralinguistic questions.

First of all it should be mentioned that there is also an ethnicon *K'wydar* 'south Ossetians' and hence it seems necessary to decide if the ethnicon is derived from the place name or vice versa? Both ways of derivation are acknowledged in modern Ossetic. Some scholars interpreted *K'wydar* as a place name, while the others - as an ethnic name. That is one of the reasons why we have such a variety of different etymologies.

The primarity of the place name *K'wydar* is out of doubt for three reasons. Firstly, the subethnic groups of modern Ossets never have the autoethnicons ending in *-ar*, but at the same time there are many place names in Ossetia that end in *-ar*. Secondly, the well-known Georgian geographer Vahushti Bagrationi (XVIII century) in his description of South Ossetia often names one of its regions *K'udaro*, but the corresponding ethnicon is not mentioned. Moreover, Vahushti writes about the inhabitants of *K'udaro* and calles them Twalians (*Dvalni*) in one case and Ossets (*Ovsnii*) in the other. The Twalians are a subethnic group of Ossets. Thus we can make a conclusion that there was not an ethnicon *K'wydar* at that time. Thirdly, there is a so called "popular etymology" of the place name *K'wydar* in Ossetic folk tales, but there is not such for the corresponding ethnicon. So in the mind of common people of South Ossetia *K'wydar* is nothing but a place name.

The second extralinguistic question concerns the usage of the place name *K'wydar*. There are three dialects in modern Ossetic: Iron, Digoron and *K'wydajrag*. In Iron and Digoron dialects the place name *K'wydar* (Digoron *K'udar*) is not only the name of South Ossetia, but also of part of North Ossetia, namely the Mamison, Twal and Tyrsy regions. In *K'wydajrag* dialect the place name *K'wydar* does not mean South Ossetia in the whole, but only a comparativly little gorge in it, bordering with Mamison region of North Ossetia. In addition to this it must be pointed out that there are three dialects in South Ossetia: *K'wydajrag*, *Cysajnag* and *Twallag*. The two last ones are the variants of Iron dialect of North Ossetia, but the *K'wydajrag* is an independent one and has very archaic features in phonetics, morphology and vocabulary. This latter dialect is spread not only over *K'wydar* gorge but also over the main part of South Ossetia, as well as the part of North Ossetia (Mamison region). The *K'wydajrag*-speaking Mamisonians never call themselves *K'wydar*, but only *Iron*. The most interesting thing is that *K'wydajrag*-speaking south Ossetians also call themselves *Iron*, but with Iron-speaking Ossetians (Irons, Chisanians, Twalians etc.), as well as with the

Digoron-speaking Ossetians, they call themselves only *K'wydajrag* (an adjective from *K'wydar*).

In order to clear up this strange situation we can suppose that in old times the *K'wydajrag* dialect was spread all over the territory of South Ossetia as well as the part of North Ossetia. But later Iron-speaking Ossetians occupied the territory of *K'wydar* region on the both slopes of Caucasus and, as the result, part of the *K'wydajrag*-speakers changed both their dialect and their autoethnicon (Twalians, Chisanians and Tirsians), while the other part changed only their autoethnicon (modern *K'wydajrag*-speakers).

To consider and try to answer the third extralinguistic question we can apply to a well-known Armenian geographer A. Shirakatsi of VII century AD who having enumerated the Caucasian peoples of Sarmatia mentioned among them an uncertain tribe *Kudet-k*, that lived south to the Alans and Ashtigors, near the Argvels, Kheburs and Takujrs. The exact localisation and identification of these peoples is not clear, but one thing is sure: the Alans and the Ashtigors are the direct ancestors of modern (north) Ossetians - Irons and Digors respectively. It was a historian G. Kokiev who for the first time supposed that Kudets were the ancestors of modern south Ossetians (Kudarians). This supposition was accepted by historians, but was ignored by those linguists, who tried to etymologise the place name *K'wydar*.

The medieval neighbours of Kudets - Argvels and Takujrs were compared with the present-day neighbours of Kudarians, e.g. with Georgian tribes that live in the Argveti, or Margveti and Takueri provinces of West Georgia. As to the Kheburs, they are modern Gebians - a Georgian tribe in the Radja region of West Georgia. Thus, we have strong reasons for identification of medieval Kudets with modern Kudarians.

This comparison provides us with an opportunity of considering a correct etymology. Note that only the component *Kud-* is common both to the Ossetian place name and the ethnicon, mentioned by Shirakatsi. Hence, the Ossetian place name must be divided into *K'wyd- + -ar*, not *K'wy- + -dar* as it was suggested by some scholars. Note also that *Kudet* is not an ethnicon by origin, it is a place name because it has a Georgian suffix *-et(i)*, which is widely spread in Georgian place names (including borrowings), but never occurs in ethnicons. Therefore, even if the root *Kud-* is of Ossetian origin it seems to be borrowed into Shirakatsi's manuscript via Georgian. Georgian data are very important in two respects. Firstly, we have got an evidence that the component *-ar* of *K'wydar* may be a suffix dealing with toponymy. Secondly, we can suppose that the component *K'wyd-* is historically an ethnicon, because Georgian words with suffix *-et-i*, when they are names of countries or provinces, have as a rule ethnic names in their first components. Hence, the place name **K'udet(i)* could have meant something like "Land of the *Kud-* people". Just the same meaning the related Ossetian place name *K'wydar* is expected to have.

The non-productive Ossetic suffix *-ar* can be found in several Ossetic place names. In North Ossetia: *Æmğ-ar*, *Dzam-ar-as*, *Džim-ar-a*, *Gæt-ar*, *Kol-ar*, *K'as-ar-a*, *Madz-ar*, *Malx-ar-æ*, *Mæc'-ar-aw-džyn*, *Mælğ-ar*, *Qas-ar-a*, *Sul-ar-tæ* *Tatx-ar-a*, *Xupp-ar-a*; in South Ossetia: *Biq-ar*, *C'un-ar*, *Č'et-ar*, *Quð-ar-tæ* etc. Moreover, this suffix was found in Ossetic

personal names (Isaeva). In Digoron Ossetic we have a proverb *Sağæs Sağæsaræmæ kindzi ærcudæj* "The Grief married of the Sadness". Here the name of the personified sadness (*Sağæs-ar-æ*) is formed on the base of his "wife's" name - personified grief (*Sağæs*) - both from *sagæs* 'sadness, grief' - with the help of suffix *-ar(æ)*.

The origin of Ossetian suffix *-ar* is clear. E. A. Grantovskij found it in Ossetian *aeldar* 'master, lord' and recognized in it a reflex of Old Iranian adjectival suffix *-ara*, that is a variant of more common adjectival suffix *-ra* (IE *-ro*). It is necessary to add that the very Ossetic suffix was found out by V. F. Miller in Ossetian word *xædzar* 'home'. It is very interesting that Iranian suffix *-(a)ra* was recognized also in Scythian toponymy. A reflex of this suffix I can see in Alanian place name *Cadaar*.

The neighbourhood of the originally Iranian non-productive suffix *-ar* side by side with the stem *K'wyd-* in one and the same place name permits me to propose a hypothesis of the Iranian origin of the first component of the place name *K'wydar*. There is not a word *k'wyd* in the modern Ossetian vocabulary but it does not exclude its Iranian origine. What Iranian word could have given a reflex *k'wyd-* in Ossetic? In order to answer this question we must remember the above proposed suggestion that it could be an ethnicon. But as far as I know there is not an ethnicon **kud* in Iranian languages. In order to avoid a mistake we must reconstruct an etymon of the *K'wyd-*.

The glottalized *k'* occurs in originally Iranian Ossetic words only in some cases: 1. After *(-)s-*, e.g. the Iranian cluster **(-)sk-* gives in Ossetic *(-)sk'-*; 2. In the words of an expressive meaning Old Ossetian **g* and **k* (both from OIran. **k*) sometimes turn into *k'*.

The place name under discussion has not an expressive meaning, so we must exclude the second way of phonetic evolution. Then the OIran. cluster **sk* is the only possibility for reconstruction. When this cluster is in the initial position, it becomes *sk'-* in Ossetic. But sometimes the sibilant can drop out, hence in that cases we have Ossetic *k'-* from OIran. **sk-*. Thus the etymon of *K'wyd-* must be **skuda-* or **skuta-*.

One who is familiar with the material of Scytho-Sarmatian languages can immediately recognize in it the name of Scythians. There is an opinion that the Old Greek *Σκύθαι* "Scythians" and Assirian *išguzai / ašguzai* (*iškuzāi / aškuzāi*) "Scythians" are derived from the Scythian autoethnicon **škuda-* (later **škuða-*), with the sound change *-ð > -θ* in Old Greek, and *-ð > -z* in Assirian. The name of Scythians in Old Testament - *aškenaz* - is a misreading of *škwz* (**aškuz*) and this form also goes back to the same autoethnicon. Scythian had **škuda- / *škuða-* for singular and **škudatā / *škuðatā* - for the plural. There was a Skolot dialect in Scythian in which the common Scythian *d* (*> ð*) was changed into *l*, so there was an ethnic name **škulatā* (*< *škudatā*) in this dialect, attested in Herod. IV, 6 as *Σκόλοτοι*.

The subject of our particular interest is *Skudra* - an Old Persian name of one country (or people) in Danube region. Before the appearance of Szemerényi's etymology it was considered to be a name of "a province of the Persian Empire, probably Trace and Macedonia" (Kent 1953: 210). But recently O.Szemerényi proposed to see in Skudra a derivation from **skud(a)-* plus a suffix *-ra*. This suffix is identical with the above discussed adjectival suffix, and

**skud(a)*- is the above mentioned Scythian autoethnicon. Thus *Skudra* must be a part of western Scythia.

If this is right we have a strong parallelism between the *Skudra* and *K'wydar*: both are derived from ethnic name **škuda*- 'Scythian' with the help of one and the same adjectival suffix -(a)ra, and both have the meaning 'Scythian (land or country)'. The single difference between them is that in the Ossetian place name we have a variant of a common Iranian suffix.

Thus we can conclude that the oldest ancestors of the *K'wydajrag* speaking southern Ossetians were Scythians.

My etymology of the place name *K'wydar* can be confirmed by other facts. Thus, according to I.Gershevitch the analysis of dialectal peculiarities of *K'wydajrag* Ossetic shows that this dialect originates in Scythian language while Iron Ossetic originates in Sarmatian, and thus Scythians were the direct ancestors of modern Kudarians, as for Sarmatians - they prove to be the ancestors of modern Irons. There are also archeological evidences of the presence of Scythians on the territory of the ancient South Ossetia.